Эзоп
Жан де Лафонтен

Лисица и виноград

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

классика в школе

Лисица и виноград (сборник)

Жан де Лафонтен, Эзоп

Аннотация
Эзоп, Жан де Лафонтен. Лисица и виноград (сборник)
Эзоп. VI век до н. э.
Бесхвостая Лисица. Пересказ А. Измайлова
Волк и Ягненок. Пересказ А. Сумарокова
Ворона и Лиса. Пересказ А. Сумарокова
Волки и Овцы. Пересказ А. Сумарокова
Горшки. Пересказ А. Сумарокова
Дуб и Трость. Пересказ И. Дмитриева
Лисица и виноград. Пересказ А. Сумарокова
Лягушки, просящие царя. Пересказ И. Крылова
Мот и Ласточка. Пересказ И. Крылова
Пастух и Волчонок. Пересказ Е. Алипанова
Помощь. Пересказ Д. Бедного
Колесо и Конь. Пересказ Д. Бедного
Волк и Лев. Пересказ Д. Бедного
Осел и Лев. Пересказ Д. Бедного
Добряк. Пересказ Д. Бедного
Мир. (в сокращении). Пересказ Д. Бедного
Плакальщицы. Пересказ Д. Бедного
Гермес. Пересказ Д. Бедного

Хитрость. Пересказ Д. Бедного

Волк и Овца. Пересказ Д. Бедного

Жан Лафонтен. 1621–1695

Стрекоза и Муравей. Перевод И. Крылова

Ворона и Лисица. Перевод И. Крылова

Лягушка и Вол. Перевод И. Крылова

Два Мула. Перевод О. Чюминой

Воля и Неволя. Перевод И. Хемницера

Карман. Перевод О. Чюминой

Ласточка и Птички. Перевод И. Дмитриева

Городская и полевая Крысы. Перевод Г-та

Волк и Ягненок. Перевод И. Крылова

Человек и его Изображение. Перевод О. Чюминой

Стоглавый и стохвостый Драконы. Перевод О. Чюминой

Осел и Воры. Перевод Г-та

Предостережение богов Симониду. Перевод Ф. Зарина

Смерть и Несчастный. Перевод Ф. Зарина

Крестьянин и Смерть. Перевод И. Крылова

Мужчина средних лет и его две Возлюбленные. Перевод О. Чюминой

Лисица и Аист. Перевод Г-та

Петух и жемчужное зерно. Перевод С. Круковской

Учитель и ученик. Перевод А. Измайлова
Шершни и Пчелы. Перевод О. Чюминой
Дуб и Трость. Перевод И. Крылова
К тем, кому трудно угодить. Перевод О. Чюминой
Совет Мышей. Перевод А. Измайлова
Волк и Лисица на суде перед Обезьяной. Перевод Ф. Зарина
Два Быка и Лягушка. Перевод Ф. Зарина
Летучая Мышь и две Ласочки. Перевод А. Измайлова
Две Собаки. Перевод Г-та
Птица, раненная стрелой. Перевод О. Чюминой
Орлица и Жук. Перевод О. Чюминой
Лев и Комар. Перевод И. Крылова
Два Осла. Перевод Г-та
Лев и Мышь. Перевод И. Крылова
Голубь и Муравей. Перевод Г-та
Астролог, упавший в колодец. Перевод О. Чюминой
Заяц и Лягушки. Перевод Н. Юрьина
Петух и Лиса. Перевод О. Чюминой
Вороненок. Перевод И. Крылова
Павлин, жалующийся Юноне. Перевод В. Жукова
Кошка, превращенная в Женщину. Перевод

А. Измайлова

Лев и Осел на охоте. Перевод Ф. Зарина

Эзопово объяснение одного завещания. Перевод А. Зарина

Мельник, Сын его и Осел. Перевод О. Чюминой

Члены тела и Желудок. Перевод А. Зарина

Волчья хитрость. Перевод А. Измайлова

Старик и его сыновья. Перевод В. Мазуркевича

Козел и Лисица. Перевод А. Измайлова

Орел, Дикая Свинья и Кошка. Перевод А. Зарина

Пьяница и Жена его. Перевод О. Чюминой

Подагра и Паук. Перевод И. Крылова

Волк и Журавль. Перевод И. Крылова

Лев, сраженный человеком. Перевод О. Чюминой

Лебедь и Повар. Перевод О. Чюминой

Лисица и виноград. Перевод И. Крылова

Волки и овцы. Перевод О. Чюминой

Лев состарившийся. Перевод И. Крылова

Филомела и Прокна. Перевод А. Зарина

Утопленница. Перевод А. Измайлова

Ласочка в амбаре. Перевод А. Зарина

Кот и старая Крыса. Перевод В. Жукова

Влюбленный Лев. Перевод В. Жукова

Пастух и Море. Перевод И. Крылова

Муха и Пчела. Перевод И. Крылова
Садовод и Помещик. Перевод В. Мазуркевича
Осел и Собака. Перевод В. Мазуркевича

Аннотация

Басни Эзопа и Жана де Лафонтена входят в программу по литературе для 6-го класса.

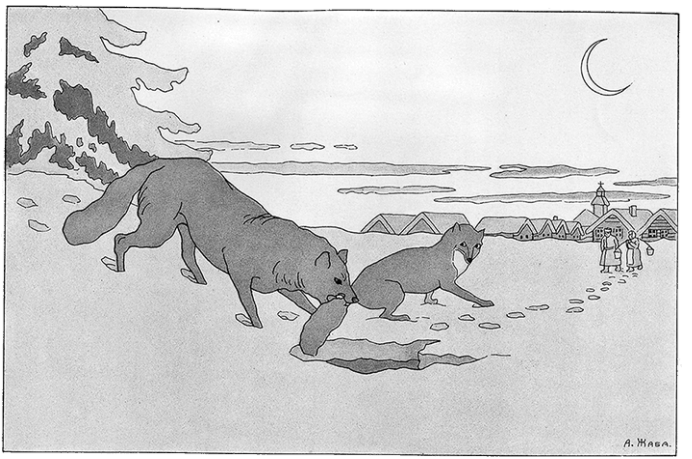
Эзоп, Жан де Лафонтен
Лисица и виноград (сборник)

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Эзоп
VI век до н. э.

Бесхвостая Лисица
Пересказ А. Измайлова



Преосторожная, прехитрая Лисица,

Цыплят и кур ловить большая мастерица,

На старости своей так сделалась проста,

Что в западню попалась;

Вертелась всячески, туда-сюда мета-

лась

И вырвалась кой-как, но только без хвоста.

Как в лес бесхвостой показаться?

Плутовка вздумала на хитрости подняться.

Взяв важный и степенный вид,

Идет в пещеру, где сбиралися Лисицы,

«Подруги и сестрицы! –

Так говорит она. – Какой нам, право, стыд,

Что по сие мы время

Все носим гнусное и тягостное бремя –

Сей хвост, который по земли

За нами тащится в грязи или в пыли.

Какая польза в нем, скажите?

А вред весь от него я доказать могу.

Вы, верно, сами подтвердите,

Что без хвоста быть легче на бегу,

Что часто за хвосты собаки нас ловили;

Но если бы теперь хвосты мы обрубили…»

«Остановись, остановись!» –

Одна ей из сестер сказала.

«А что?» – «Пожалуйста, к нам задом обернись».

Кургузая тут замолчала,

Попятилась назад и тотчас убежала.

«Как страшно замуж выходить!» –

Невестам всем твердит увядшая девица.

Конечно, что ж ей говорить?

Такая ж и она бесхвостая Лисица!

Волк и Ягненок
Пересказ А. Сумарокова

В реке пил Волк; Ягненок пил,

Однако в низ реки гораздо отступил;

Так пил он ниже;

И следственно, что Волк к тому был месту ближе,

Отколе токи вод стремление влечет;

Известно, что вода всегда на низ течет.

Голодный Волк Ягненка озирает;

От ужаса Ягненок обмирает

И мнит: не буду я с ягнятками играть,

Не станет на руки меня пастушка брать,

Не буду голоса я слышати свирели,

И птички для меня впоследние пропели,

Не на зеленом я скончаюся лугу,

Умру на сем песчаном берегу.

Волк начал говорить: «Бездельник,

как ты смеешь
Питье мое мутить,
И в воду чистую мне сору напустить?
Да ты ж такую мать имеешь,
Которая, ко мне учтивства не храня,
Вчера блеяла на меня».
Ягненок отвечает,
Что мать его дней с тридцать умерла,
Так Волка не она ко гневу привела;
А ток воды бежит на низ, он чает,
Так Волк его опивок не встречает.
Волк третьею виной Ягненка уличает:
«Не мни, что ты себя, бездельник, извинил.
Ошибся я; не мать, отец меня бранил».
Ягненок отвечал: «Тому уж две недели,
Что псы его заели».
«Так дядя твой иль брат,
Иль, может быть, и сват,
Бранил меня вчера, я это знаю точно,
И говорю тебе я это не нарочно».
Ягненков был ответ:

«Всея моей родни на свете больше нет;

Лелеет лишь меня прекрасная пастушка».

«А! а! вертушка,

Не отвертишься ты; вчера твоя пастушка

Блеяла на меня: комолые рога

И длинный хвост у этого врага,

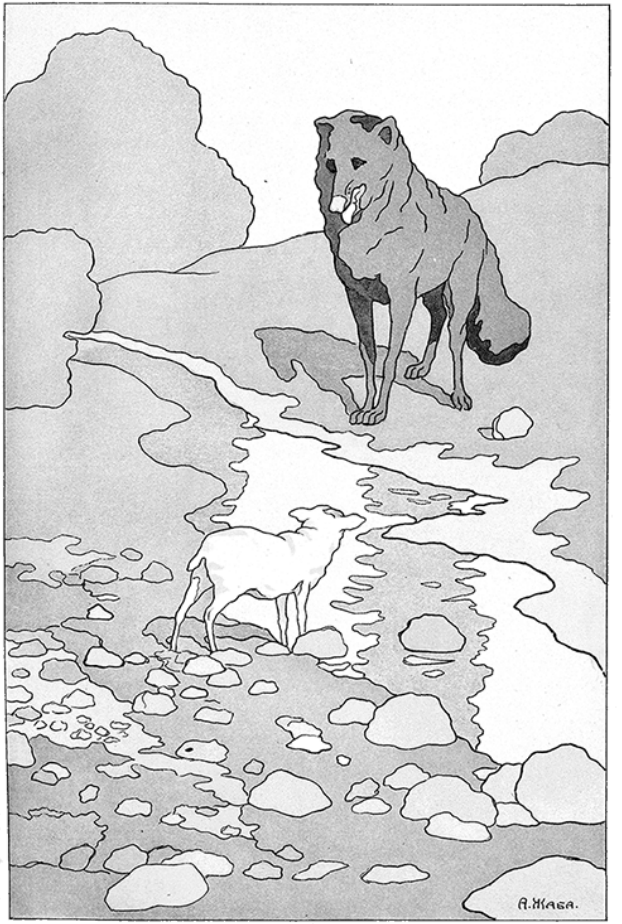
Густая шерсть, копыта невелики;

Довольно ли тебе, плутишка, сей улики?

Пастушке я твоей покорнейший слуга

За то, что на меня блеять она дерзает,

А ты за то умри». Ягненка Волк терзает.


А.Жаба.

Ворона и Лиса
Пересказ А. Сумарокова

И птицы держатся людского ремесла.
Ворона сыру кус когда-то унесла
И на дуб села.
Села,
Да только лишь еще ни крошечки не ела.
Увидела Лиса во рту у ней кусок,
И думает она: «Я дам Вороне сок.
Хотя туда не вспряну,
Кусочек этот я достану,
Дуб сколько ни высок».
«Здорово, – говорит Лисица, –
Дружок Воронушка, названая сестрица!
Прекрасная ты птица;
Какие ноженьки, какой носок,
И можно то сказать тебе без лицемерья,
Что паче всех ты мер, мой светик, хороша;

И Попугай ничто перед тобой, душа;

Прекраснее сто крат твои павлиньих перья;

Нелестны похвалы приятно нам терпеть.

О, если бы еще умела ты и петь!

Так не было б тебе подобной птицы в мире».

Ворона горлышко разинула пошире,

Чтоб быти соловьем;

«А сыру, – думает, – и после я поем:

В сию минуту мне здесь дело не о пире».

Разинула уста

И дождалась поста:

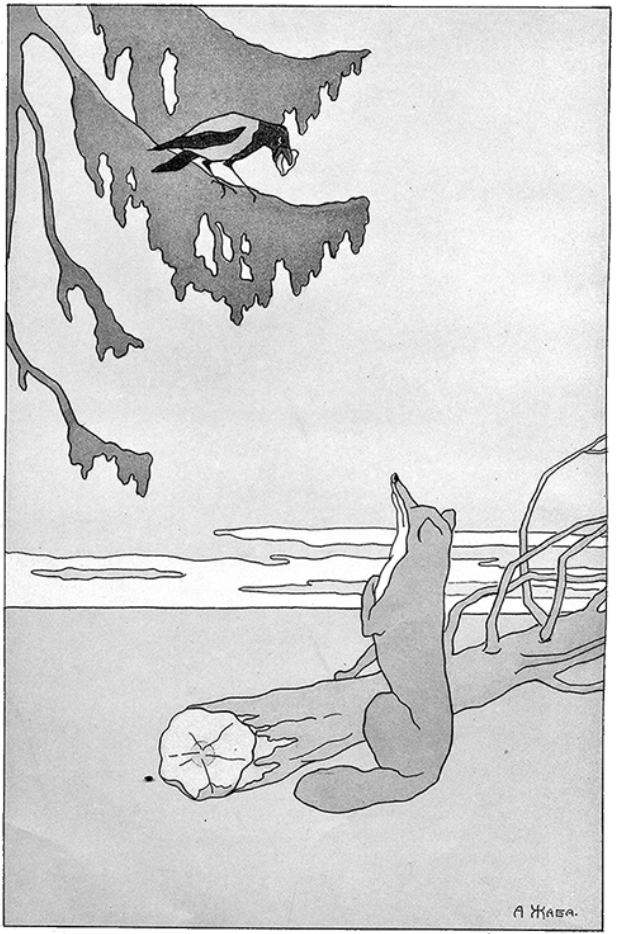
Чуть видит лишь конец Лисицына хвоста.

Хотела петь – не пела;

Хотела есть – не ела;

Причина та тому, что сыра больше нет:

Сыр выпал из рта Лисице на обед.


А Жаба.

Волки и Овцы
Пересказ А. Сумарокова

Не верь бесчестного ты миру никогда
И чти врагом себе злодея завсегда.
С волками много лет в побранке овцы жили,
С волками наконец
Установлен мир вечный у овец.
И овцы им собак закладом положили.
Одной овце волк брат, той дядя, той отец;
Владычествует век у них Астреи в поле,
И сторожи овцам не надобны уж боле.
Переменился нрав и волчье естество.
А волки, дав овцам отраду,
Текут ко стаду
На мирно торжество.
Не будет от волков овцам худых судьбинок.
Хотя собак у стада нет;

Однако римляне сабинок
Уносят на подклет.
Грабительски сердца наполнилися жолчью;
Овечье стадо все пошло в поварню волчью.

Горшки
Пересказ А. Сумарокова

Себя увеселять,

Пошел гулять

Со глиняным Горшком Горшок железный.

Он был ему знаком, и друг ему любезный.

В бока друг друга – стук:

Лишь только слышен звук,

И искры от Горшка железного блистались.

А тот недолго мог идти,

И более его нельзя уже найти,

Лишь только на пути

Едины черепки остались.

Покорствуя своей судьбе,

Имей сообщество ты с равными себе.

Дуб и Трость
Пересказ И. Дмитриева

Дуб с Тростию вступил однажды в разговоры.

«Жалею, – Дуб сказал, склоня к ней важны взоры, –

Жалею, Тросточка, об участи твоей!

Я чаю, для тебя тяжел и воробей;

Легчайший ветерок, едва струящий воду,

Ужасен для тебя, как буря в непогоду,

И гнет тебя к земли;

Тогда как я – высок, осанист и вдали

Не только Фебовы лучи пересекаю,

Но даже бурный вихрь и громы презираю;

Стою и слышу вкруг спокойно треск и стон;

Все для меня Зефир, тебе ж все Аквилон.

Блаженна б ты была, когда б росла

со мною:

Под тению моей густою

Ты б не страшилась бурь; но рок тебе судил

Расти, наместо злачна дола,

На топких берегах владычества Эола,

По чести, и в меня твой жребий грусть вселил».

«Ты очень жалостлив, – Трость Дубу отвечала, –

Но, право, о себе еще я не вздыхала,

Да не о чем и воздыхать:

Мне ветры менее, чем для тебя, опасны:

Хотя порывы их ужасны

И не могли тебя досель поколебать,

Но подождем конца». С сим словом вдруг завыла

От севера гроза и небо помрачила;

Ударил грозный ветр – все рушит и валит,

Летит, кружится лист; Трость гнется – Дуб стоит.

Ветр, пуще воружась, из всей ударил мочи,

И тот, на коего с трудом взирали очи,

Кто ада и небес едва не досягал –

Упал!

Лисица и виноград
Пересказ А. Сумарокова

Лисица взлезть
На виноград хотела,
Хотелось ягод ей поесть;
Полезла, попотела.
Хоть люб кусок,
Да виноград высок,
И не к ее на нем плоды созрели доле,
Пришло оставить ей закуски поневоле.
Как до́бычи Лисица не нашла,
Пошла,
Яряся злобно,
Что ягод было ей покушать неудобно.
«Какой, – ворчала, – то невкусный виноград,
До самых не созрел таких он поздних чисел;
Хорош на взгляд,
Да кисел».

Довольно таковых
Лисиц на свете,
И гордости у них
Такой в ответе.

Лягушки, просящие царя
Пересказ И. Крылова

Лягушкам стало не угодно
Правление народно,
И показалось им совсем не благородно
Без службы и на воле жить.
Чтоб горю пособить,
То стали у богов Царя они просить.
Хоть слушать всякий вздор богам бы и не сродно,
На сей, однако ж, раз послушал их Зевес:
Дал им Царя. Летит к ним с шумом Царь с небес,
И плотно так он треснулся на царство,
Что ходенем пошло трясинно государство:
Со всех Лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог,

И шепотом Царю по кельям дивовались.

И подлинно, что Царь на диво был им дан!

Не суетлив, не вертопрашен,

Степенен, молчалив и важен;

Дородством, ростом великан,

Ну, посмотреть, так это чудо!

Одно в Царе лишь было худо:

Царь этот был осиновый чурбан.

Сначала, чтя его особу превысоку,

Не смеет подступить из подданных никто:

Со страхом на него глядят они, и то

Украдкой, издали, сквозь аир и осоку;

Но так как в свете чуда нет,

К которому б не пригляделся свет,

То и они сперва от страху отдохнули,

Потом к Царю подползть с преда́нностью дерзнули:

Сперва перед Царем ничком;

А там, кто посмелей, дай сесть к нему бочком;

Дай попытаться сесть с ним рядом;

А там, которые еще поудалей,

К царю садятся уж и задом.

Царь терпит все по милости своей.

Немного погодя, посмотришь, кто захочет,

Тот на него и вскочит.

В три дня наскучило с таким Царем житье.

Лягушки новое челобитье,

Чтоб им Юпитер в их болотную державу

Дал подлинно Царя на славу!

Молитвам теплым их внемля,

Послал Юпитер к ним на царство Журавля.

Царь этот не чурбан, совсем иного нраву:

Не любит баловать народа своего;

Он виноватых ест! а на суде его

Нет правых никого;

Зато уж у него,

Что́ завтрак, что́ обед, что́ ужин,

то расправа.

На жителей болот

Приходит черный год.

В Лягушках каждый день великий недочет.

С утра до вечера их Царь по царству ходит

И всякого, кого ни встретит он,

Тотчас засудит и – проглотит.

Вот пуще прежнего и кваканье и стон,

Чтоб им Юпитер снова

Пожаловал Царя иного;

Что нынешний их Царь глотает их, как мух;

Что даже им нельзя (как это ни ужасно!)

Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;

Что, наконец, их Царь тошнее им засух.

«Почто́ ж вы прежде жить счастливо не умели?

Не мне ль, безумные, – вещал им с неба глас, –

Покоя не было от вас?

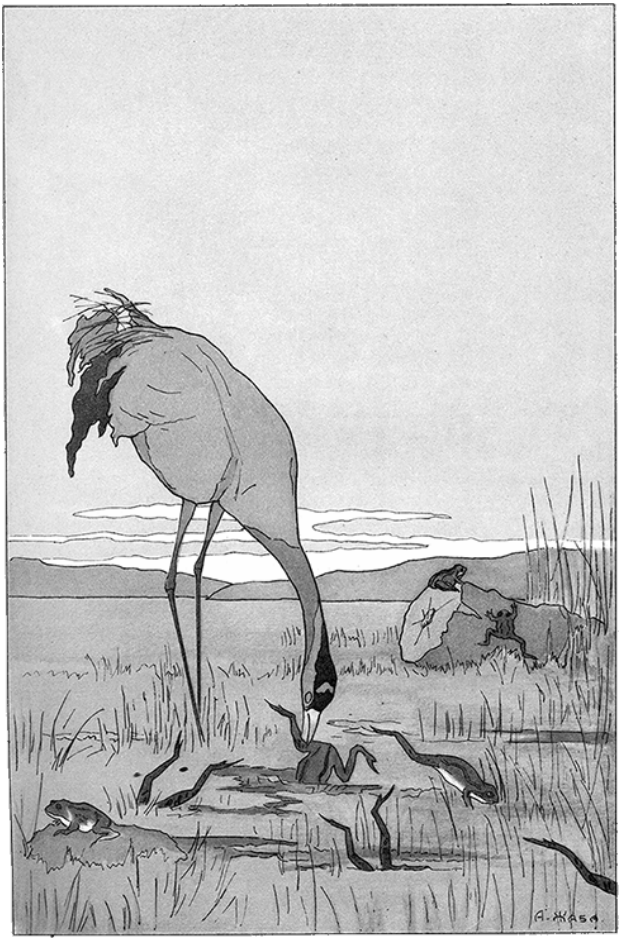
Не вы ли о Царе мне уши прошумели?

Вам дан был Царь? – так тот был слишком тих:

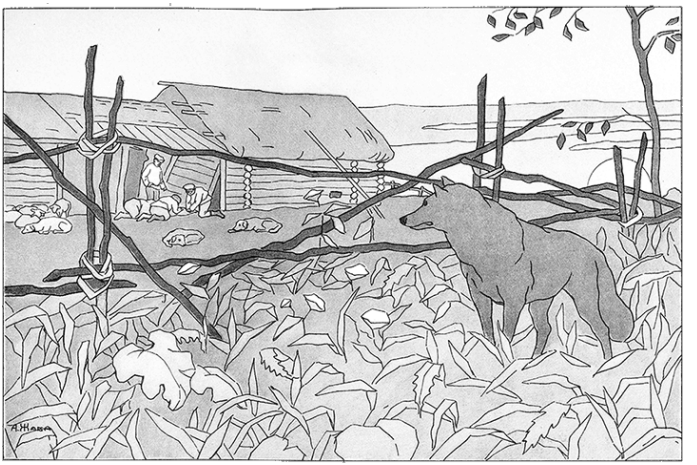
Вы взбунтовались в вашей луже,

Другой вам дан – так этот очень лих;

Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»


A. Hasa

Мот и Ласточка
Пересказ И. Крылова



Какой-то молодец,

В наследство получа богатое именье,

Пустился в мотовство и при большом раденьи

Спустил все чисто; наконец

С одною шубой он остался,

И то лишь для того, что было то зимой –

Так он морозов побоялся.

Но, Ласточку увидя, малый мой

И шубу промотал. Ведь это все, чай, знают,

Что ласточки к нам прилетают

Перед весной,

Так в шубе, думал он, нет нужды никакой:

К чему в ней кутаться, когда во всей природе

К весенней клонится приятной все погоде

И в северную глушь морозы загнаны!

Догадки малого умны;

Да только он забыл пословицу в народе:

Что ласточка одна не делает весны.

И подлинно: опять отколь взялись морозы,

По снегу хрупкому скрыпят обозы,

Из труб столбами дым, в оконницах стекло

Узорами заволокло.

От стужи малого прошибли слезы,

И Ласточку свою, предтечу теплых дней,

Он видит
на снегу замерзшую. Тут к ней,

Дрожа, насилу мог он вымолвить сквозь зубы:

«Проклятая! сгубила ты себя;

А понадеясь на тебя,

И я теперь не вовремя без шубы!»

Пастух и Волчонок
Пересказ Е. Алипанова

У Пастуха была плохая собачонка,

А стадо надобно уметь оберегать;

Другого сторожа Пастух придумал взять!

Поймал в лесу Волчонка,

Воспитывать при стаде стал;

Лелеял да ласкал,

Почти из рук не выпускал.

Волчонок подобрел. Пастух с ним забавлялся,

И, глядя на него, не раз он улыбался

И приговаривал: «Расти, Волчок, крепись.

Защитника себе ягнятки дождались!

Не даст он никому моей овечки скушать».

Как видно, наш Пастух

К пословицам был глух;

А надо бы ему прислушать:

Кормленый волк не то, что пес;

Корми, а он глядит всё в лес.

Волчонок к осени порядочным стал волком;

Отцовский промысел в уме своем держал

Да случай выбирал.

Надеясь на него, Пастух позадремал;

А сторож задушил овечек тихомолком

Да был таков.

Опасно – выбирать в Собаки из Волков!

Помощь
Пересказ Д. Бедного

Каким-то случаем сошлись – Медведь с Китом,

И так сдружились крепко оба,

Что, заключив союз до гроба,

Друг другу поклялися в том,

Что каждый помогать другому будет в горе,

Ну, скажем там, болезнь случится иль война…

Вот, как на грех, пришлося вскоре

Нарваться Мише на Слона.

Увидевши, что близко море,

Стал Миша друга звать скорей:

«Кит-братец, помоги осилить эту тушу!»

Кит в берег тычется, – увы, царю морей

Не выбраться на сушу!

Медведь Кита корит:

«Изменник! Продал душу!»

«Кому? – ответил Кит. – И в чем моя вина?

Вини мою природу!

Я помогу тебе, как только ты Слона

Швырнуть сумеешь в воду!»

«Дурак! – взревел Медведь. –

Не знал бы я беды,

Когда б я мог Слона швырнуть и от воды!»

Колесо и Конь
Пересказ Д. Бедного

* * *

В телеге колесо прежалобно скрипело.
«Друг, – выбившись из сил,
Конь с удивлением спросил, –
В чем дело?
Что значит жалоба твоя?
Всю тяжесть ведь везешь не ты, а я!»

Иной с устало-скорбным ликом,
Злым честолюбьем одержим,
Скрипит о подвиге великом,
Хвалясь усердием… чужим.

Волк и Лев
Пересказ Д. Бедного

У Волка Лев отбил овцу.

«Грабеж! Разбой! –

Волк поднял вой. –

Так вот какой ты есть защитник угнетенных!

Так вот изнанка какова

Твоих желаний затаенных!

Вот как ты свято стал чужие чтить права!

Пусть льстит тебе низкопоклонник,

А я… Когда при мне нарушил царь закон,

Я, не боясь, скажу, что он

Из беззаконников – первейший беззаконник!

Но, царь, есть божий суд! Есть

справедливый гнев!..»

«Брось! – усмехнулся Лев. –

Все это без тебя мне хорошо известно,

Как не в секрет и волчий нрав.

В своих упреках ты, конечно, был бы прав,

Когда бы сам овцу добыл ты честно!»

Осел и Лев
Пересказ Д. Бедного

«Друзей мы ценим не числом,

А качеством», – читал я где-то,

Ан вот подите же: Лев дружбу свел с Ослом.

Ну, что вы скажете на это?

Лев! С кем? С Ослом? Да почему?

А потому!

Мне ж все подробно знать откуда?

Должно быть, царская причуда!

Льву… Все дозволено ему!

Ослов ли брать к себе на службу

Иль заводить с ослами дружбу.

Хоть, впрочем, нет большой диковинки и в том,

Что просто Лев с тоски, чтоб отогнать зевоту,

Решил обзавестись не другом, а шутом.

Так это аль не так, мы выясним по-

том.

Однажды взяв Осла с собою на охоту,

Лев дал ему работу:

Зайдя вперед, пугать зверей, чтоб, ошалев,

Они неслись туда, где притаился Лев.

Осел в усердии великом

Всех всполошил ослиным криком.

Добычи вдосталь было Льву.

В час отдыха, со Львом разлегшись важно рядом,

«Что, друг, – спросил Осел, – а страшно я реву?»

Окинув «друга» хитрым взглядом,

Лев отвечал:

«Беда как страшно! Я – оглох!

Не только ты переполох

На всех зверей навел немалый,

Но в страхе жители бегут из ближних сел;

Да сам я струсил бы, пожалуй,

Когда б не знал, что ты – осел!»

Добряк
Пересказ Д. Бедного

Расхвастался Медведь перед Лисой:
«Ты, кумушка, не думай,
Что я всегда такой угрюмый:
Злость на меня находит полосой.
А вообще, сказать не лицемеря,
Добрей меня не сыщешь зверя.
Спроси хоть у людей: ем мертвых я аль нет?»
«Ах, кум, – Лиса в ответ, –
Что мертвые?! Я думаю другое:
Слух добрый о себе ты всюду б утвердил,
Когда бы мертвецов ты менее щадил,
Но… оставлял живых в покое!»

Смысл этой басенки не нов
Для лицемеров и лгунов:
Прочтут, поймут… и не покажут вида,

Что их касается обида!

Мир
(в сокращении)
Пересказ Д. Бедного

Тигр с Барсом встретился однажды у ручья.

Была ль вина – и чья,

Старинная ли тут сказалась злоба,

Не знаю, – только оба

Вступили сразу меж собой

В жестокий бой.

К концу уставши так, что лапою не двинуть,

Остановились – дух немного перевесть,

Ан, смотрят: воронья кругом не то – не счесть,

А глазом не окинуть!

Горланит черный стан, кружит над головой,

Заране радуясь добыче даровой.

То видя, хоть у них давно прошла усталость,

Бойцы, и поостыв и образумясь малость,

Речь повели о мировой.

Плакальщицы
Пересказ Д. Бедного

Лишившись дочери любимой, Антигоны,
Богач Филон, как должно богачу
(Не скареду, я то сказать хочу),
Устроил пышные на редкость похороны.
«О матушка, скажи, как это понимать? –
В смущенье молвила сквозь слезы дочь вторая. –
Сестре покойнице ужели не сестра я,
И ты – не мать,
Что убиваться так по ней мы не умеем,
Как эти женщины, чужие нам обеим?
Их скорбь так велика
И горе – очевидно,
Что мне становится обидно:
Зачем они сюда пришли издалека

При нас оплакивать им чуждую утрату?»

«Никак, – вздохнула мать, – ты, дочь моя, слепа?

Ведь это – плакальщиц наемная толпа,

Чьи слезы куплены за дорогую плату!»

В годину тяжких бед умейте отличать

Скорбь тех, кто иль привык, иль вынужден молчать,

От диких выкриков и воплей неуемных

Кликуш озлобленных и плакальщиц наемных!

Гермес
Пересказ Д. Бедного

Какой-то токарь, плут известный и повеса,

Состряпав наскоро из дерева Гермеса

И притащив его на рынок продавать,

Стал покупателей умильно зазывать:

«Для лиц всех возрастов и для любого пола

Гермес – за три обола!

За три обола!

Купив его, нужды не будешь знать ни в чем,

Весь век свой проживешь в довольстве и покое;

Кто беден – станет богачом,

А кто богат – разбогатеет вдвое!»

«Ба! – кто-то из толпы, задетый за живое,

Взял на смех продавца, – чудак же ты, видать,

Что сам сбываешь с рук такую благодать!»

«Эх, – продавец в ответ, – иди ты, братец, к шуту!

Ведь ты пойми: сказать Гермесу не в укор,

Он хоть отзывчив, да не скор,

А три обола мне нужны сию минуту!»

Хитрость
Пересказ Д. Бедного

Осла настигнул Волк. Увидевши врага,
Осел давай вопить: «Нога моя, нога!»
«Что? – удивился Волк. – Нога?..
Не понимаю!»
«Понять не трудно: я хромаю.
Из-под копыта хлещет гной.
Когда б ты закусить теперь задумал мной,
Ты б лег, отравленный, с костьми моими рядом:
Я весь пропитан гнойным ядом…
Друг, сделай милость, помоги! –
Хитрец Осел молил сквозь слезы. –
Я умираю от занозы…
О, если б ты ее мне вынул из ноги!»
Нагнулся Волк: «Давай сюда копыто, что ли!..
Где ж рана?»
«Вот… Не там… Ой, пропаду от боли!

Ой!» – «Да постой!

Эк ты какой:

Копыто наперед очистим от навозу».

Покамест Волк искал занозу,

Осел примерился, да так его лягнул,

Что тот и ноги протянул!

Очнувшись через час, Волк взвыл от лютой злобы.

«Кем я обманут, а? Добро бы

Кем путным, – нет, себя я на смех дал Ослу!

Такая б дурь не грех в теленке годовалом,

А я ведь, старый черт, мясник по ремеслу,

С чего надумал я рядиться коновалом?»

Из басни можно бы извлечь любой урок.

Что хитрость, дескать, есть порок иль не порок, –

Но… остановка в малом:

Я в жизни часто сам, спасаясь от беды,

Хитрил на все лады,

Так мне ль сводить концы проблемы этой тонкой?

Пусть сводит кто другой, а я – пойду сторонкой.

Волк и Овца
Пересказ Д. Бедного

Волк тяжко занемог:

Почти лишившись ног,

Лежал он, как колода,

Без ласки, без ухода.

В такой беде, увидевши Овцу,

Взмолился волк:

«Роднулечка Овечка,

Остановись на два словечка!

Ты видишь: жизнь моя приблизилась к концу.

Ах, знаю, я – злодей, и нет мне оправданья!

Но злость ко мне растет пусть в ком-нибудь другом,

А ты, ты сжалишься в порыве состраданья

Над умирающим врагом!

Предсмертной жаждою томимый нестерпимо,

Святая, кроткая, я об одном молю:
Помочь мне доползти к реке, текущей мимо,
Где я жестокие страданья утолю!»
«Ужель, – Овца в ответ, –
я сделаюсь виною
Того, чтоб ты остался жив,
Себя водою освежив
И закусивши после… мною?»

Жан Лафонтен
1621–1695

Стрекоза и Муравей
Перевод И. Крылова

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милый!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней

Прокорми и обогрей!»
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» –
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило».
«А, так ты…» – «Я без души
Лето целое все пела».
«Ты все пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

Ворона и Лисица
Перевод И. Крылова

Уж сколько раз твердили миру,

Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,

И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;

На ель Ворона взгромоздясь,

Позавтракать было совсем уж собралась,

Да позадумалась, а сыр во рту держала.

На ту беду Лиса близехонько бежала;

Вдруг сырный дух Лису остановил:

Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.

Плутовка к дереву на цыпочках подходит;

Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит,

И говорит так сладко, чуть дыша:

«Голубушка, как хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право, сказки!

Какие перышки! какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,

При красоте такой и петь ты мастерица, –

Ведь ты б у нас была царь-птица!»

Вещуньина с похвал вскружилась голова,

От радости в зобу дыханье сперло, –

И на приветливы Лисицыны слова

Ворона каркнула во все воронье горло:

Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

Лягушка и Вол
Перевод И. Крылова

Лягушка, на лугу увидевши Вола,

Затеяла сама в дородстве с ним сравняться –

Она завистлива была –

И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.

«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?» –

Подруге говорит. «Нет, кумушка, далёко!» –

«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.

Ну, каково?

Пополнилась ли я?» – «Почти что ничего». –

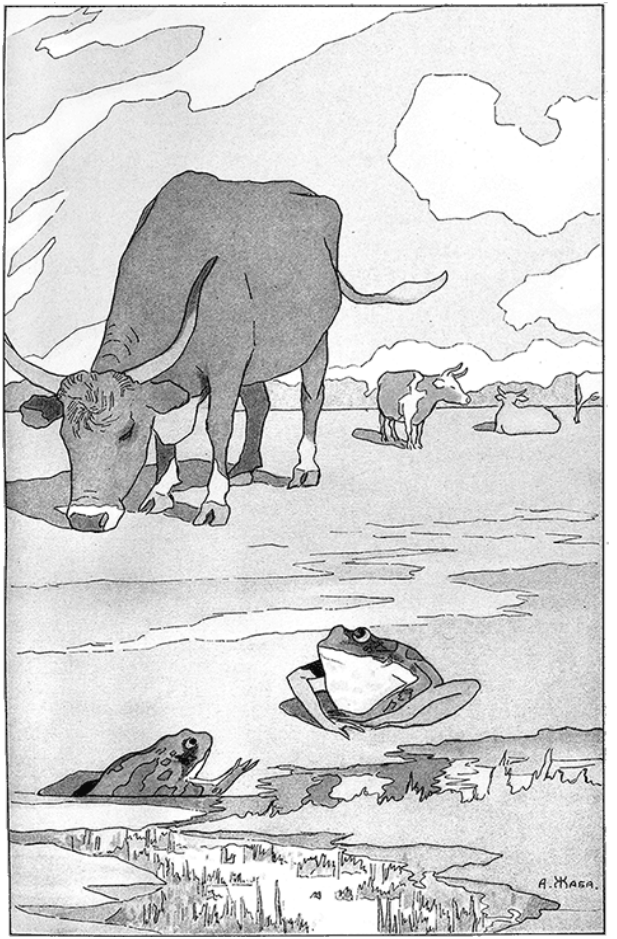
«Ну, как теперь?» – «Все то ж. Пыхтела да пыхтела

И кончила моя затейница на том,

Что, не сравнявшися с Волом,

С натуги лопнула и – околела.

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая, как знатный дворянин.


A. Kasa.

Два Мула
Перевод О. Чюминой

Два Мула шли дорогою одной:
Один – с овсом, другой – с казной.
Последний, ношею тщеславясь драгоценной,
Расстаться ни за что б не захотел с мешком;
Звеня привешенным звонком,
Он плавно выступал походкою надменной,
Когда разбойники вдруг, на его беду,
Откуда ни возьмись, прельщенные деньгами,
Его схватили за узду.
Вот Мул уж окружен врагами
И, защищаяся, ударами сражен, –
Вздыхает, жалуется он:
«Увы! Такую ли я ждал себе награду?
Опасности избег товарищ мой,
Меж тем как гибну я – попавшийся в за-

саду!»

«Приятель, – Мул сказал другой, –

Грозят опасности тому, кто высоко поставлен.

Ты был бы от беды избавлен,

Будь ты, как я, лишь мельника слугой».

Воля и Неволя
Перевод И. Хемницера

Волк, долго не имев поживы никакой,
Был тощ, худой
Такой,
Что кости лишь одни да кожа.
И Волку этому случись
С Собакою сойтись,
Которая была собой росла, пригожа,
Жирна,
Дородна и сильна.
Волк рад бы всей душой с Собакою схватиться
И ею поживиться;
Да полно для того не смел,
Что не по нем была Собака,
И не по нем была бы драка.
И так, со стороны учтивой подошел;
Лисой к ней начал подбиваться:
Ее дородству удивляться

И всячески ее хвалить.

«Не стоит ничего тебе таким же быть, –

Собака говорит, – как скоро согласишься

Идти со мною в город жить.

Ты будешь весь иной, и так переродишься,

Что сам себе не надивишься.

Что ваша жизнь и впрямь? Скитайся все, рыщи,

И с горем пополам поесть чего ищи:

А даром и куском не думай поживиться:

Все с бою должно взять!

А это на какую стать?

Куда такая жизнь годится?

Ведь посмотреть, так в чем душа-то, право, в вас!

Не евши целы дни, вы все как испитые,

Поджарые, худые!

Нет! то-то жизнь-то, как у нас!

Ешь не хочу! – всего, чего душа желает!

После гостей

Костей, костей;

Остатков от стола, так столько их бывает,

Что некуда девать!

А ласки от господ, уж подлинно сказать!»

Растаял Волк, услыша весть такую,

И даже слезы на глазах

От размышления о будущих пирах.

«А должность исправлять за это мне какую?» –

Спросил Собаку Волк. «Что? должность? ничего!

Вот только лишь всего:

Чтоб не пускать на двор чужого никого,

К хозяину ласкаться,

И около людей домашних увиваться!»

Волк, слыша это все, не шел бы, а летел;

И лес ему так омерзел,

Что про него уж он и думать не хотел;

И всех волков себя счастливее считает.
Вдруг на Собаке он дорогой примечает,
Что с шеи шерсть у ней сошла.
«А это что такое,
Что шея у тебя гола?» –
«Так, это ничего, пустое».
«Однако нет, скажи». – «Так, право, ничего.
Я чаю,
Это оттого,
Когда я иногда на привязи бываю».
«На привязи? – тут Волк вскричал. –
Так ты не все живешь на воле?»
«Не все. Да полно, что в том нужды?» – Пес сказал.
«А нужды столько в том, что не хочу я боле
Ни за́ что всех пиров твоих:
Нет, воля мне дороже их;
А к ней на привязи, я знаю, нет дороги!»
Сказал, и к лесу дай Бог ноги.

Карман
Перевод О. Чюминой

Однажды объявил Юпитер всемогущий:

– Пускай все то, что дышит и живет,

К подножью моему предстанет в свой черед.

И если чем-либо в природе, им присущей,

Хотя один доволен не вполне –

Пусть безбоязненно о том заявит мне:

Помочь беде согласен я заране.

По праву слово Обезьяне

Предоставляю я. Взгляни

На остальных зверей, наружность их сравни

С твоею собственной. Довольна ль ты собою?

– А почему же нет?

Я не обижена судьбою! –

Она промолвила в ответ. –

И, кажется, ничем других не хуже.

А вот в Медведе все настолько неуклюже,

Что братцу моему дала бы я совет,

Чтоб он не дозволял писать с себя портрет! –

Тут выступил Медведь, – но от него напрасно ждали жалоб;

Найдя, что сам сложен прекрасно он,

Глумился он над тем, как безобразен Слон:

– Вот уши уменьшить кому не помешало б,

Прибавив кое-что к хвосту! –

Не лучше в свой черед отнесся Слон к Киту:

На вкус его тот слишком был громаден.

А Муравей, в сужденьях беспощаден,

Нашел, что Клещ чрезмерно мал

(Себя же самого гигантом он считал).

Так, выслушав всех нелицеприятно,

Довольный, отослал Юпитер их обрат-

но.

Но люди более всего

Явились тут в суждениях нелепы,

Себе прощая все, другим же – ничего…

Мы к собственным порокам слепы,

А для грехов чужих имеем рысий взгляд.

Всех на один и тот же лад

Нас мастер вылепил: свои изъяны

Подалее от глаз

Мы прячем в задние карманы,

Грехи же ближнего мы носим напоказ.

Ласточка и Птички
Перевод И. Дмитриева

Летунья Ласточка и там, и сям бывала,

Про многое слыхала,

И многое видала,

А потому она

И боле многих знала.

Пришла весна,

И стали сеять лен. «Не по сердцу мне это! –

Пичужечкам она твердит. –

Сама я не боюсь, но вас жаль; придет лето,

И это семя вам напасти породит,

Произведет силки и сетки,

И будет вам виной

Иль смерти, иль неволи злой;

Страшитесь вертела и клетки!

Но ум поправит всё, и вот его совет:

Слетитесь на загон и выклюйте все

семя».

«Пустое! – рассмеясь, вскричало мелко племя. –

Как будто нам в полях другого корма нет!»

Чрез сколько дней потом, не знаю,

Лен вышел, начал зеленеть,

А Птичка ту же песню петь:

«Эй, худу быть! еще вам, Птички, предвещаю:

Не дайте льну созреть;

Вон с корнем! или вам придет дождаться лиха!»

«Молчи, зловещая вралиха! –

Вскричали Птички ей. –

Ты думаешь, легко выщипывать все поле!»

Еще прошло десяток дней,

А может и гораздо боле;

Лен вырос и созрел.

«Ну, Птички, вот уж лен поспел;

Как хóчете меня зовите, –

Сказала Ласточка, – а я в последний раз

Еще пришла наставить вас:
Теперь того и ждите,
Что пахари начнут хлеб с поля убирать,
А после с вами воевать:
Силками вас ловить, из ружей убивать
И сетью накрывать;
Избавиться такого бедства
Другого нет вам средства,
Как дале, дале прочь. Но вы не журавли,
Для вас ведь море – край земли;
Так лучше ближе приютиться,
Забиться в гнёздышко, да в нем не шевелиться».
«Пошла, пошла! других стращай
Своим ты вздором! –
Вскричали Пташечки ей хором. –
А нам гулять ты не мешай!»
И так они в полях летали, да летали,
Да в клетку и попали.
Всяк только своему рассудку вслед идет:

А верует беде не прежде, как придет.

Городская и полевая Крысы
Перевод Г-та

Однажды Крыса городская
На пир к себе землячку позвала.
Землячка ж та была
Провинциалка – Крыса полевая.
Вот гостья в барский дом является на зов.
Там в зале, на ковре французском,
Хозяйка ждет ее. Обед уже готов,
И счету нет всем яствам и закускам.
Какая роскошь! подлинно что рай!
С господского стола за месяц все объедки
Приберегла хозяйка для соседки –
Что хочешь, то и выбирай!
Тут, насказав любезностей несчетно
И весело болтая всякий вздор,
Уселись Крысы на ковер
И принялись за яства беззаботно.

Вдруг слабый шум раздался у дверей…

Хозяйка взвизгнула, кричит: «Беги скорей!»

И в угол шмыг; за нею гостья следом.

Но вскоре шум замолк, и потчевать обедом

Хозяйка гостью снова начала.

«Пойдем, – промолвила она, –

Теперь все тихо, слава Богу!»

А гостья ей в ответ:

«Нет, милая, прощай! Хоть вкусен твой обед,

А мне пора в дорогу.

Прошу теперь ко мне: я ем не на коврах,

И редких блюд таких в деревне не бывает,

Зато в обеде мне никто уж не мешает,

И радостей моих не прерывает страх».

Волк и Ягненок
Перевод И. Крылова

У сильного всегда бессильный виноват:

Тому в Истории мы тьму примеров слышим,

Но мы Истории не пишем;

А вот о том как в Баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;

И надобно ж беде случиться,

Что около тех мест голодный рыскал Волк.

Ягненка видит он, на добычу стремится;

Но, делу дать хотя законный вид и толк,

Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом

Здесь чистое мутить питье

Мое

С песком и с илом?

За дерзость такову
Я голову с тебя сорву».
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донесть, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу».
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!»
«Помилуй, мне еще и от роду нет году», –
Ягненок говорит. «Так это был твой брат». –
«Нет братьев у меня». – «Так это кум иль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы все мне зла хотите

И, если можете, то мне всегда вреди-те,

Но я с тобой за их разведаюсь грехи». –

«Ах, я чем виноват?» – «Молчи! устал я слушать,

Досуг мне разбирать вины твои, ще-нок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Сказал – и в темный лес Ягненка пово-лок.

Человек и его Изображение
Перевод О. Чюминой

Герцогу де Ларошфуко

Жил некто; сам себя любя,
И без соперников, на диво
Считал красавцем он себя,
Найдя, что зеркала показывают криво.
И счастлив был, гордясь собой,
Он в заблуждении упрямом.
Представлены услужливой судьбой,
Советники, столь дорогие дамам,
Напрасно перед ним являлися гурьбой.
Повсюду зеркала: в окне у фабрикантов,
На поясе у модниц и у франтов,
Во всех домах! И вот, страшась зеркал,
Что делает Нарцисс? – бежит в уединенье.
Но там ручей прозрачный протекал.
Разгневанный, в недоуменье,

В струях свое он видит отраженье
И прочь бежит от светлого ручья,
Но сожаленье затая:
Настолько тот ручей заманчив и прекрасен.
Смысл этой басни очень ясен:
Тот, кто в себя без памяти влюблен, –
Души подобье нашей он,
А зеркала – чужие заблужденья;
Нам образ наш являют зеркала
В правдивом воспроизведенье.
Ручей же, чья вода светла, –
Составленное в назиданье
Полезных «правил» мудрое собранье.

Стоглавый и стохвостый Драконы
Перевод О. Чюминой

У императора посланник падишаха
(Гласит предание) держал себя без страха,
И силы сравнивал обеих их держав.
Тут немец вымолвил, слова его прервав:
– У князя нашего есть многие вассалы,
Владенья чьи воистину не малы,
И каждый, в силу данных прав,
Своею властию, на помощь господину
Способен выставить наемную дружину.
Но рассудительно сказал ему чауш:[1]
– Я знаю, кто и сколько душ
Здесь может выставить, и это очень живо

---

[1] Сноски: 1
Чиновник, передающий волю падишаха и вводящий к нему посланников.

Напоминает мне рассказ,

В котором все хоть странно, но правдиво.

Из-за ограды как-то раз

Дракон предстал мне стоголовый,

На жертву броситься готовый.

Смертельным ужасом томим,

Я чувствовал, что кровь моя застыла в жилах;

Но страхом я отделался одним:

Достать меня он был не в силах.

Об этом думал я, когда Дракон другой –

Стохвостый, но зато с одною головой,

Явился мне. Затрепетал я снова,

Увидев, как прошла сперва

В отверстие Дракона голова,

Путь проложив затем для остального.

Ваш господин – даю в том слово –

Подобье первого, а мой – второго.

Осел и Воры
Перевод Г-та

Украв вдвоем Осла, сцепилися два Вора.
«Он мой!» – кричит один.
«Нет, мой!» – в ответ ему вопит другой.
До драки вмиг дошла их ссора:
Гремит по лесу шумный бой,
Друг друга бьют они без счету и без толку;
А третий Вор меж тем, подкравшись втихомолку,
Схватил Осла за холку
И в лес увел с собой.

Не так же ль точно часто поступают
Державы сильные со слабою страной?!
Из-за нее заводят спор между собой,
Одна другую в битвах поражают,
И обе ничего не достигают;
А третий кто-нибудь без шума и хло-

пот
Добычу их себе берет.

Предостережение богов Симониду
Перевод Ф. Зарина

«Перехвалить нельзя, хваля
Богов, любовницу и короля», –
Сказал Малерб. Согласен с этим я,
И это правило всегда блюсти нам надо:
Лесть и спасет, и охранит.
Но вот как в древности платили боги
За похвалы. Однажды Симонид
Атлета восхвалить хотел в высоком слоге;
Но, рассмотрев поближе свой сюжет,
Увидел, что почти в нем содержанья нет.
О чем писать? Родители Атлета
Совсем неведомы для света:
Отец его – лишь скромный мещанин,
Для песнопения предмет ничтожный;
Известен лишь Атлет один.
И вот Поэт, сказав о нем, что лишь

возможно,

Отвлекся в сторону: поставил

В пример всем доблестным борцам

Кастора и Поллукса, их прославил,

Да так, что похвала сим славным близнецам

Две трети заняла в создании Поэта

И только треть осталась для Атлета.

Когда Атлет прочел стихотворенье,

Он не обещанный талант Поэту дал,

А только треть одну; причем сказал,

Что за другие две вознагражденье

Дать Симониду те должны,

Кому они посвящены.

«Но все ж тебя я угостить желаю, –

Прибавил тут Атлет, – приди на пир в мой дом,

Куда я избранных сегодня приглашаю:

В кругу друзей, родных мы время проведем».

Согласен Симонид. Быть может, он страшился,

Чтоб также и похвал, как денег, не лишился.

На славу праздник был:

Всяк веселился, ел и пил.

Вдруг подошел слуга к Поэту торопливо

И заявил, что у ворот

Два незнакомца ждут его. И вот

Пошел Поэт, а за столом шумливо

Меж тем все гости пьют, едят

И тратить время не хотят.

Те незнакомцы – были близнецами,

Воспетыми его стихами.

Из благодарности за похвалы его

Они ему велели удалиться

Скорее с пиршества того:

Атлета дом был должен обвалиться.

Пророчеству свершиться суждено;

Подгнивший потолок внезапно обвалился

На пиршественный стол, на яства, на вино,

На головы гостей; пир грустно прекра-

тился.
Чтоб совершилась месть полней
За оскорбление Поэта,
Сломало балкой ноги у Атлета,
И искалеченных гостей
Спешили унести скорей.
Об этом случае прошла молва повсюду,
Дивился всяк такому чуду,
И вдвое начали ценить
Стихи певца, любимого богами.
И каждый добрый сын был рад ему платить,
Как можно более, чтоб предков восхвалить
Его стихами.
Я возвращаюсь к теме. Я сказал,
Что лучше не жалеть похвал
Нам для богов; к тому ж для Мельпомены
Нет униженья торговать стихом,
И следует при том
Искусству нашему знать цену.

От высших милость – честь для нас;
Олимпу некогда был друг и брат – Парнас.

Смерть и Несчастный
Перевод Ф. Зарина

Один Несчастный каждый день
Звал Смерть к себе, в надежде облегченья.
Он говорил: «Прерви мои мученья!
Приди за мной, возлюбленная тень!»
Не отказала Смерть ему в услуге;
И вот
открылась дверь, идет к нему она.
Но, увидав ее, он закричал в испуге:
«Что вижу я! Уйди! Ты мне страшна!
При взгляде на тебя кровь в жилах леденеет,
Могильным холодом твое дыханье веет!
Не подходи!
О Смерть! о Смерть! Уйди!»
Вельможный Меценат, проживший столь беспечно,
Сказал: хотел бы жить я вечно

Как нищий, жалкий и больной,
Но только б жить! до сени гробовой
Я жизни буду более чем рад!
«О Смерть, не приходи!» – так все тебе твердят.

Крестьянин и Смерть
Перевод И. Крылова

Набрав валежнику порой холодной, зимней,

Старик, иссохший весь от нужды и трудов,

Тащился медленно к своей лачужке дымной,

Кряхтя и охая под тяжкой ношей дров.

Нес, нес он их и утомился,

Остановился,

На землю с плеч спустил дрова долой,

Присел на них, вздохнул и думал сам с собой:

«Куда я беден, Боже мой!

Нуждаюся во всем; к тому ж жена и дети,

А там подушное, боярщина, оброк…

И выдался ль когда на свете

Хотя один мне радостный денек?»

В таком унынии, на свой пеняя рок,

Зовет он Смерть: она у нас не за горами,

А за плечами.

Явилась вмиг

И говорит: «Зачем ты звал меня, старик?»

Увидевши ее свирепую осанку,

Едва промолвить мог бедняк, оторопев:

«Я звал тебя, коль не во гнев,

Чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку».

Из басни сей

Нам видеть можно,

Что как бывает жить ни тошно,

А умирать еще тошней.

Мужчина средних лет и его две Возлюбленные
Перевод О. Чюминой

Мужчина средних лет, заметив седину,
Которая в кудрях его блистала,
Решил, что для него избрать себе жену
Теперь как раз пора настала.
Он был владельцем капитала,
А потому
Мог выбирать: понравиться ему
Желали все. Он не спешит, однако:
Ведь дело здесь касалось брака.
Две вдовушки приобрели права
Над сердцем зрелого поклонника и чувством.
Была моложе первая вдова,
Но старшая была одарена искусством
Восстановлять успешно то,
Что было у нее природой отнято.
И обе вдовушки исправно,

Среди веселья, смеха и услад,
Его на свой причесывали лад,
И голову притом намыливали славно.
Меж тем как старшая из них по волоску,
Своих корыстных целей ради,
Все темные выдергивала пряди,
Другая седину щипала бедняку.
Жених, оставшись лыс, заметил эту штуку.
– Спасибо, – молвил он, – красотки, за науку.
Пусть вами я ощипан наголо,
Зато в другом мне повезло:
О свадьбе мы отложим попеченье.
Которую б из вас ни выбрал я женой –
Она по-своему вертеть захочет мной.
Ценой волос купил я избавленье,
И голове плешивой впрок
Пойдет, красотки, ваш урок!

Лисица и Аист
Перевод Г-та

Лиса, скупая от природы,
Вдруг хлебосолкою затеяла прослыть.
Да только как тут быть,
Чтоб не вовлечь себя в излишние расходы?
Вопрос мудрен – решит его не всяк,
Но для Лисы такой вопрос пустяк:
Плутовка каши жидкой наварила,
Ее на блюдо тонко наложила,
И Аиста зовет преважно на обед.
На зов является сосед,
И оба принялись за поданное блюдо.
Ну, кашка, хоть куда! Одно лишь худо,
Что Аист есть так не привык:
Он в блюдо носом тык да тык,
Но в клюв ему ни крошки не попало;
А Лисанька меж тем в единый миг
Всю кашу языком слизала.

Вот Аист в свой черед,

Чтоб наказать Лису, а частью для забавы,

Ее на завтра ужинать зовет.

Нажарил мяса он, сварил к нему приправы,

На мелкие кусочки накрошил

И в узенький кувшин сложил.

Меж тем Лиса, почуяв запах мяса,

Пришла голодная, едва дождавшись часа,

И ну, что было сил,

Давай вокруг стола юлить и увиваться

И щедрости соседа удивляться,

Но лесть ей тут не помогла:

По клюву Аисту кувшин пришелся впору,

У гостьи ж мордочка чересчур была кругла…

И жадная Кума ни с чем, как и пришла,

Поджавши хвост, к себе убралась в нору.

Петух и жемчужное зерно
Перевод С. Круковской

Петух рылся в навозной куче и нашел жемчужное зерно.

— Оно блестит прекрасно, — сказал он, — но меня больше обрадовало бы ячменное зерно: им я мог бы насытиться.

* * *

Невежде досталась ценная и редкая книга. Он продал ее за бесценок.

— Деньги мне нужнее в моем деле, — сказал он.

А. Жаба.

Учитель и ученик
Перевод А. Измайлова

Шалун великий, Ученик,

На берегу пруда резвяся, оступился,

И в воду опустясь, ужасный поднял крик.

По счастию, за сук он ивы ухватился,

Которая шатром

Нагнула ветви над прудом.

На крик Ученика пришел его Учитель,

Престрогий человек и славный сочинитель.

«Ах, долго ли тебе во зло употреблять

Мое примерное терпенье? –

Воскликнул педагог. – Не должно ль наказать

Тебя за шалости, дурное поведенье?

Несчастные отец и мать! жалею вас!

Ну как пойдешь ты мокрый в класс?

Не станут ли тебе товарищи смеяться?

Чем здесь в пруду купаться,
Учил бы лучше ты урок.
Забыл ты, негодяй, мои все приказанья;
Забыл, что резвость есть порок!
Достоин ты, весьма достоин наказанья;
И, ergo, надобно теперь тебя посечь».
Однако же педант не кончил этим речь,
Он в ней употребил все тропы и фигуры
И декламировал, забывшись до того,
Что бедный ученик его,
Который боязлив и слаб был от натуры,
Лишился вовсе чувств, как ключ пошел на дно.
Без разума ничто учение одно.
Не лучше ль мне поторопиться
Помочь тому, кто впал от шалости в беду?
За это ж с ним браниться
И после время я найду.

Шершни и Пчелы
Перевод О. Чюминой

По мастерству и мастер нам знаком.
Нашлись оставленные кем-то соты,
И рой Шершней, корыстные расчеты
Лелеявший тайком,
Их объявил своими смело.
Противиться им Пчелы стали тут,
И вот, своим порядком в суд
К большой Осе перенесли все дело.
Но как постановить в той тяжбе приговор?
Свидетели согласно утверждали:
Близ сотов все они видали
С давнишних пор
Жужжащих, длинных насекомых,
Крылатых и весьма напоминавших Пчел;
К несчастию, любой из признаков знакомых
К Шершням бы также подошел.

Стремясь пролить возможно больше света,

Оса и Муравьев к допросу привлекла.

Увы! Не помогло и это!

Взмолилась тут одна Пчела:

«Помилосердствуйте! Прошло уже полгода,

И портятся запасы меда;

Успела тяжба разрастись,

Из медвежонка став медведем.

Ведь эдак далеко мы, право, не уедем!

Судье нельзя ли обойтись

Без пререканий и отсрочек,

Запутанностей всех и разных проволочек?

Пусть просто разрешат с Шершнями нам сейчас

Приняться для добычи меда за работы;

Тогда увидели бы, кто из нас

Из меда сладкого умеет делать соты!»

Но от Шершней на это был отказ,

И Пчелам отданы поэтому Осой запасы меда.

О, если бы дела такого рода
Имели все подобный же конец!
Хоть Турцию бы взять себе за образец
И здравый смысл – взамен законов свода!
Избавлены от лишнего расхода,
И не дразня судейских аппетит,
От нестерпимых волокит
Мы не страдали б бесконечно.
Ведь устрица, в конце концов,
Судье останется, конечно, –
И лишь скорлупки для истцов.

Дуб и Трость
Перевод И. Крылова

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошел.

«Поистине, роптать ты вправе на природу, –

Сказал он, – воробей и тот тебе тяжел.

Чуть легкий ветерок подернет рябью

воду,

Ты зашатаешься, начнешь слабеть

И так нагнешься сиротливо,

Что жалко на тебя смотреть.

Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,

Не только солнца я препятствую лучам,

Но, посмеваяся и вихрям и грозам,

Стою и тверд и прям,

Как будто б огражден ненарушимым миром:

Тебе всё бурей – мне всё кажется зефиром.

Хотя б уж ты в окружности росла,

Густою тению ветвей моих покрытой,

От непогод бы я быть мог тебе защитой;

Но вам в удел природа отвела

Брега бурливого Эолова владенья:

Конечно, нет совсем у ней о вас раденья».

«Ты очень жалостлив, – сказала Трость

в ответ, –

Однако не крушись: мне столько худа нет.

Не за себя я вихрей опасаюсь;

Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:

Так бури мало мне вредят;

Едва ль не более тебе они грозят!

То правда, что еще доселе их свирепость

Твою не одолела крепость

И от ударов их ты не склонял лица;

Но – подождем конца!»

Едва лишь это Трость сказала,

Вдруг мчится с северных сторон

И с градом, и с дождем шумящий аквилон.

Дуб держится, – к земле Тростиночка припала,

Бушует ветр, удвоил силы он,

Взревел – и вырвал с корнем вон

Того, кто небесам главой своей касался

И в области теней пятою упирался.

К тем, кому трудно угодить
Перевод О. Чюминой

Когда бы при моем рожденье Каллиопа
Мне принесла дары избранников ее –
Я посвятил бы их на выдумки Эзопа;
Во все века обман с поэзией – друзья.
Но не настолько я в почете у Парнаса;
В подобных басенках всегда нужна прикраса,
Которая им блеск особый придает.
Я делаю почин в той области: черед
За тем, кто более с поэзией знаком.
А все ж мне удалось – особым языком
Заставить говорить и Волка, и Ягненка,
И мной растениям ниспослан слова дар.
Ужели в этом всем не видите вы чар?
«Невелика заслуга – побасёнка,
Лишь годная для малого ребёнка,
Чтоб говорить о ней с подобной по-

хвальбой!» –

Мне голос критика насмешливого слышен.

Извольте! Род себе я изберу другой, –

Он ближе к истине и более возвышен:

«Троянцы, десять лет в стенах окружены,

Геройски вынося все ужасы осады,

Успели утомить пришельцев из Эллады.

Напрасно эллины, отвагою полны,

Ценою тысячи внезапных нападений

И сотни приступов, и яростных сражений

Пытались покорить надменный Илион,

Пока, Минервою самой изобретен

На верную погибель Илиона,

Там деревянный конь в свое не принял лоно

Улисса мудрого, Аяксов храбрецов

С неустрашимым Диомедом,

Которым он с дружиной их бойцов

Открыл врата Троянские к победам,

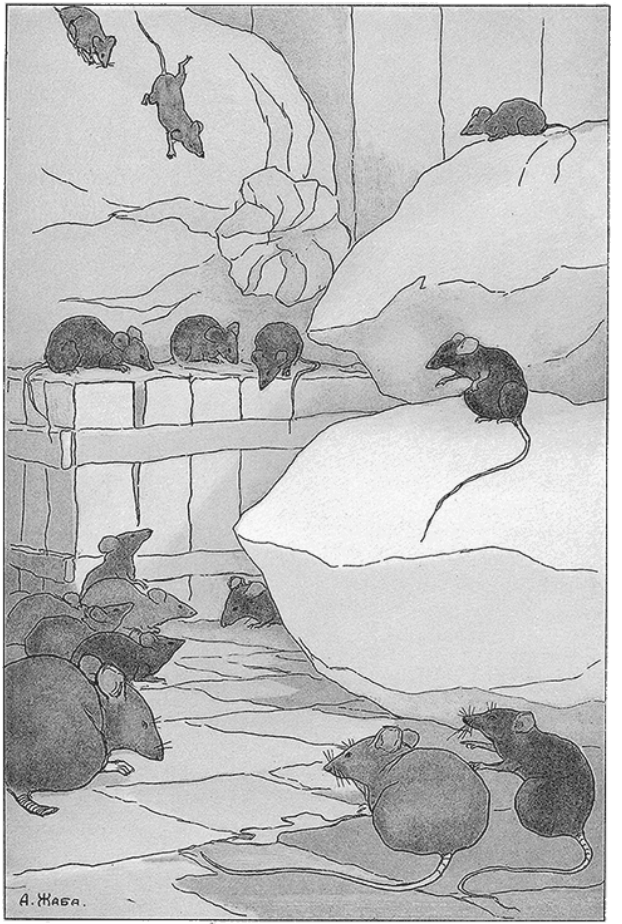
Предав им, в городе врагов,
На жертву все, включая и богов.
Так, утомленные трудами,
Искусной хитрости плодами
Воспользовались мастера».

– Довольно! Дух перевести пора! –
Воскликнут критики. – Троянская столица
И конь из дерева, герои прежних дней –
Все это кажется странней
И дальше нам, чем хитрая лисица,
Плененная вороньим голоском
И напевавшая любезности вороне…
Вам не годится петь в таком
Возвышенно-геройском тоне,
Не всякому по силам он. –
Согласен я понизить тон:
«Амариллиссою ревнивой и влюбленной
Под кущею зеленой
Алкинн в мечтаньях призываем был,
И мнилось ей: тоски ревнивой пыл
Свидетелем имел собак ее и стадо,

Меж тем как, не сводя с пастушки юной взгляда,
Услышал Тирс, укрывшись между ив,
К Зефиру нежному из уст ее призыв…»
Но тут упрек предчувствую заране:
– Позвольте, рифма так плоха
И так неправильна, что эти два стиха
Весьма нуждаются в чекане.

– Злодей, да замолчишь ли ты?
Понравиться тебе – напрасные мечты!
Разборчивый всегда несчастен,
Затем, что угодить никто ему не властен.

Совет Мышей
Перевод А. Измайлова


А. Жаба.

В мучном амбаре Кот такой удалой был,

Что менее недели

Мышей до сотни задавил;

Десяток или два кой-как уж уцелели

И спрятались в норах.

Что делать? Выйти – страх;

Не выходить – так смерти ждать голодной.

На лаврах отдыхал Кот сытый и дородный.

Однажды вечером на кровлю он ушел,

Где милая ему назначила свиданье.

Слух до Мышей о том дошел:

Повыбрались из нор, открыли заседанье

И стали рассуждать,

Какие меры им против Кота принять.

Одна Мышь умная, которая живала

С учеными на чердаках

И много книг переглодала,

Совет дала в таких словах:

– Сестрицы! отвратить грозящее нам бедство

Я нахожу одно лишь средство,

Простое самое. Оно в том состоит,

Чтоб нашему злодею,

Когда он спит,

Гремушку привязать на шею:

Далеко ль, близко ль Кот, всегда мы будем знать,

А не удастся нас врасплох ему поймать!

– Прекрасно! ах, прекрасно! –

Вскричали все единогласно. –

Зачем откладывать? как можно поскорей

Коту гремушку мы привяжем;

Уж то-то мы себя докажем!

Ай, славно! не видать ему теперь Мышей

Так точно, как своих ушей!

– Все очень хорошо; привязывать кто ж станет?

– Ну, ты. – Благодарю!

– Так ты. – Я посмотрю,

Как духа у тебя достанет!

– Однако ж надобно. – Что долго толковать?

Кто сделал предложенье,

Тому и исполнять.

Ну, умница, свое нам покажи уменье. –

И умница равно за это не взялась…

А для чего ж бы так?.. Да лапка затряслась!

Куда как, право, чудно!

Мы мастера учить других!

А если дело вдруг дойдет до нас самих,

То исполнять нам очень трудно.

Волк и Лисица на суде перед Обезьяной
Перевод Ф. Зарина

Волк подал просьбу Обезьяне,
В ней обвинял Лису в обмане
И в воровстве; Лисицы нрав известен,
Лукав, коварен и нечестен.
И вот на суд Лису зовут.
Без адвокатов дело разбиралось, –
Волк обвинял, Лисица защищалась;
Конечно, всяк стоял за выгоды свои.
Фемиде никогда, по мнению судьи,
Не выпадало столь запутанного дела…
И Обезьяна думала, кряхтела,
А после споров, криков и речей,
И Волка, и Лисы отлично зная нравы,
Она промолвила: «Ну, оба вы не правы;
Давно я знаю вас…
Свой приговор прочту сейчас:
Волк виноват за лживость обвиненья,

Лисица же виновна в ограбленьи».

Судья решил, что будет прав,

Наказывая тех, в ком воровской есть нрав.

Два Быка и Лягушка
Перевод Ф. Зарина

Из-за телушки молодой
Друзья Быки вдруг сделались врагами,
Сцепились грозными рогами
И начали ужасный бой.
То видя, в страхе спряталась одна Лягушка.
– Что сделалось с тобой, квакушка? –
Спросила у нее подруга, и в ответ
Трусиха молвила: – Предвижу много бед!
Для нас опасна битва эта.
Конец ее таков:
Тот из Быков,
Которому достанется победа,
Возьмет добычу в достоянье;
Другой же к нам уйдет в изгнанье,
Чтоб в тростниках сокрытым быть,
И будет нас давить!

Так поплатиться нам придется
За жаркий бой, что здесь дается. –
И предсказание Лягушки было верно:
Укрыться в тростниках сраженный Бык спешил
И ежечасно их давил
Он под копытами по двадцати примерно.

Не так же ли в делах людских
Страдают малые за глупости больших.

Летучая Мышь и две Ласочки
Перевод А. Измайлова

Жестокую войну
С Мышами Ласочки имели:
Кого ни брали в плен, всех ели.
Случилось как-то, Мышь Летучую одну
В ночную пору
Занес лукавый в нору
К голодной Ласочке. – Прошу покорно сесть, –
С насмешкой Ласочка сказала, –
Ты Мышь? Тебя мне можно съесть?
– Помилуй, – та ей отвечала, –
Не ешь, а лучше рассуди,
Да хорошенько погляди:
В своем ли ты уме, сестрица?
Вот крылья у меня, – я птица!
Окончилась война
У Ласочек с мышиным родом,
Но с птичьим уже брань они вели на-

родом,
И Мышь Летучая опять
В плен к Ласочке другой попала.
– Ты птица? Ты теперь летала?
– За что меня так обижать?
Я Мышь и из мышей природных, –
Был смелой пленницы ответ, –
Похожа ль я на птиц негодных?
На мне и перьев вовсе нет! –
В другой раз хитростью такой она спаслася,
И ложь и истина равно ей удалася.

Две Собаки
Перевод Г-та

Собаке время подоспело
Произвести щенят на свет;
А между тем разумно это дело
Она заранее обставить не сумела:
Час близок, а у ней и крова даже нет,
Где б отдохнуть могло ее больное тело.
Вот приползла она к соседке в конуру.
«Родная, – говорит, – ей-ей сейчас помру!
Ох! одолжи хоть только на недельку
Свою постельку».
Соседка сжалилась и из дому ушла,
А гостья временно у ней расположилась.
Меж тем неделя протекла,
И к дому своему хозяйка возвратилась.
«Голубушка моя, сама хоть посмотри, –

Вновь замолила гостья со слезами, –

Щенки мои малы, чуть шевелят ногами,

Уж потерпи еще недельки две иль три!»

Соседка снова просьбе уступила

И чрез условный срок

Вернулася опять в родной свой уголок.

Но тут уж гостья ей с рычаньем отворила

И молвила, с зубами напоказ:

«Уж ты не гнать ли хочешь нас?!

Что ж! я тотчас уйду со всей моей оравой –

Мои щенки теперь умеют уж кусать.

Но раньше ты изволь-ка доказать

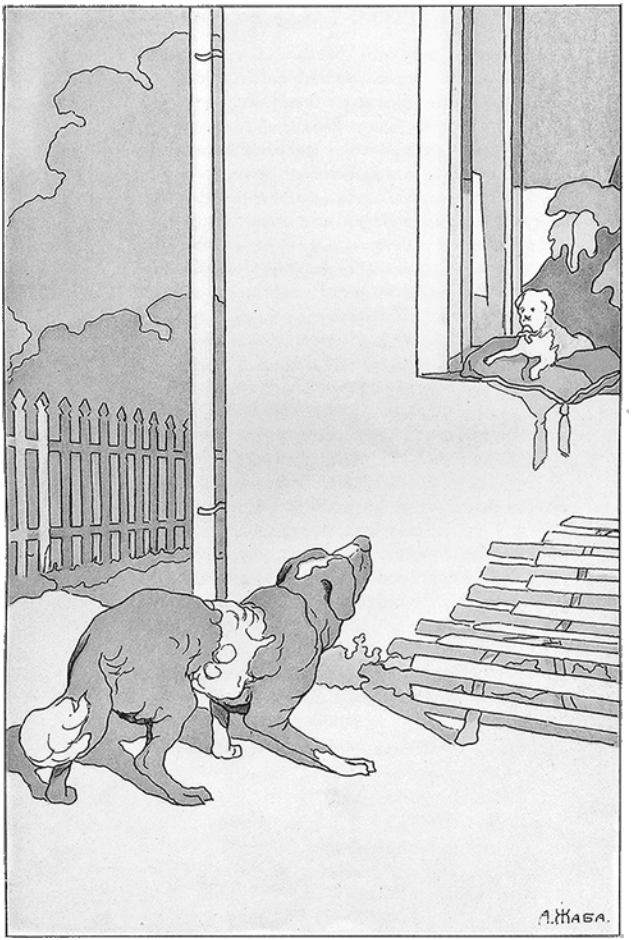
Зубами нам на эту будку право!»

Что плуту одолжил, своим уж не считай –

С ним наживешь лишь хлопоты да муку.

Неблагодарному лишь кончик пальца дай –

Он заберет себе всю руку.


А.Жаба.

Птица, раненная стрелой
Перевод О. Чюминой

Крылатой ранена стрелой
И смертною охваченная мглой,
Судьбу свою оплакивала Птица:
«Где нашим бедствиям граница?
Мы все – орудия несчастья своего:
Из наших крыл, о люди! без пощады
Губительные нам вы сделали снаряды.
Но не спешите ваше торжество
Вы праздновать над нами злобно;
И сами вы страдали нам подобно:
Сыны Япетовы! не половина ль вас
Оружием другой является подчас?

Орлица и Жук
Перевод О. Чюминой

За кроликом следя в полете зорко,
Охотилась Орлица. На пути
Ему Жука попалась норка.
Плохой приют, – но где другой найти?
И что же? Вопреки священнейшему праву,
Свершить над кроликом расправу
Готовилась Орлица. Вдруг
Заговорил, вступаясь, Жук:
«Царица птиц! Презрев мои моленья,
Ты взять вольна его, безжалостно сгубя;
Но пощади меня от оскорбленья,
Даруй бедняге избавленье,
О жизни молит он тебя, –
Иль пусть и я за ним погибну следом:
Он другом был мне и соседом».
Юпитера Орлица, ни одним

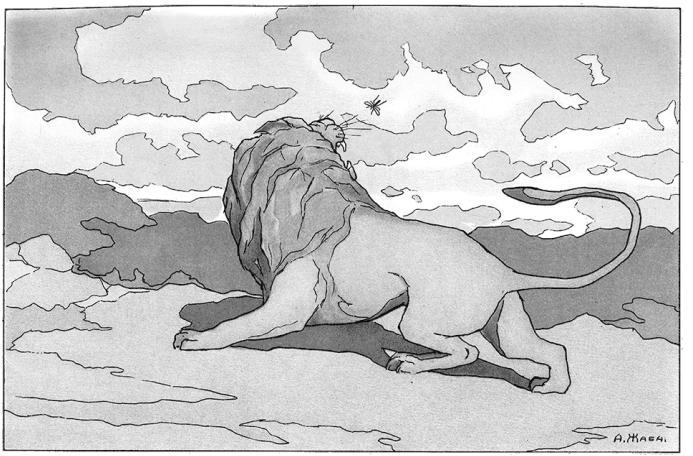
Не отвечая словом,
В жестокосердии суровом,
Жука крылом своим
Стряхнула прочь, глуха к его воззванью,
И, оглушив, принудила к молчанью, –
А кролика похитила. Тогда,
В отсутствие ее, орлиного гнезда
Успел достигнуть Жук, задумав месть такую:
Он самую ее надежду дорогую –
Все яйца нежные разбил.
Гнев и отчаянье Орлицы
Не ведали себе границы;
А в довершенье
зла враг неизвестен был,
И жалобы ее лишь ветер разносил.
Так целый год жила она бездетной,
Весною же гнездо свила на высоте.
Увы! Была предосторожность тщетной,
И Жук, в места пробравшись те,
Ей мстя за кролика, все яйца уничто-

жил.

Вторичный траур потревожил
Надолго эхо гор. Во избежанье бед,
Та, кем несом был прежде Ганимед,
К царю богов с мольбой явилась неуклонно
И яйца принесла Юпитеру на лоно:
Воистину тот будет смел,
Кто б унести оттуда их посмел!
Но враг прибег к иным расчетам,
Запачкав плащ Юпитера пометом;
И тот, стряхнув его, смахнул и яйца прочь.
Но тут пришлось Юпитеру невмочь
От ярости разгневанной Орлицы.
Она грозила: с этих пор
Бежать навеки из столицы,
Покинув службу царскую и двор.
Юпитер промолчал, но учинил разбор.
Перед судом явился Жук, и смело
Он изложил, как было дело, –
Вина Орлицы ей доказана была.

Но примирить врагов явилось невозможным,
И царь богов, решеньем осторожным,
Постановил, во избежанье зла:
Чтоб яйца свои всегда несли Орлицы
Весною раннею, пока лучом денницы
Не согреваемы, как сонные сурки,
Спят зимним сном своим Жуки.

Лев и Комар
Перевод И. Крылова



Бессильному не смейся

И слабого обидеть не моги!

Мстят сильно иногда бессильные враги:

Так слишком на свою ты силу не надейся!

Послушай басню здесь о том,

Как больно Лев за спесь наказан Комаром.

Вот что о том я слышал стороною:

Сухое к Комару явил презренье Лев;

Зло взяло Комара: обиды не стерпев,

Собрался, поднялся Комар на Льва войною.

Сам ратник, сам трубач пищит во всю гортань

И вызывает Льва на смертоносну брань.

Льву смех, но наш Комар не шутит:

То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он трубит!

И, место высмотрев и время улуча,

Орлом на Льва спустился

И Льву в крестец всем жалом впился.

Лев дрогнул и взмахнул хвостом на трубача.

Увертлив наш Комар, да он же и не трусит!

Льву сел на самый лоб и Львину кровь сосет.

Лев голову крутит. Лев гривою трясет;

Но наш герой свое несет:

То в нос забьется Льву, то в ухо Льва укусит.

Вздурился Лев,

Престрашный поднял рев,

Скрежещет в ярости зубами,

И землю он дерет когтями.

От рыка грозного окружный лес дрожит.

Страх обнял всех зверей; все кроется, бежит:

Отколь у всех взялися ноги,

Как будто бы пришел потоп или пожар!

И кто ж? Комар

Наделал столько всем тревоги!

Рвался, метался Лев и, выбившись из сил,

О землю грянулся и миру запросил.

Насытил злость Комар; Льва жалует он миром:

Из Ахиллеса вдруг становится Омиром

И сам
Летит трубить свою победу по лесам.

Два Осла
Перевод Г-та

Погонщик двух Ослов с поклажей в город вел.

Один Осел,

Хвостом махая, шел походкою веселой:

Он нес сухие губки на спине, –

А всякий знает, как легки оне.

Другой едва ступал под ношею тяжелой:

Навьючили бедняге соли целый воз,

И он плелся, повеся хвост и нос.

Шли долго путники, и вот – дошли до броду.

Сев на Осла, что губки нес,

Погонщик пред собой погнал другого в воду

И начал путь ему указывать кнутом;

Но наш Осел упрямого был нраву

И пожелал устроить переправу

Своим умом.

Забрал он влево, в яму оступился

И вместе с солью в воду погрузился.

Беда! Ослу пришлося плыть.

Гребет он сильными ногами,

Пыхтит, и фыркает, и борется с волнами;

А плыть далёко… как тут быть?!

Но, видно, сжалилось над бедным Провиденье:

Он в ноше чувствует большое облегченье –

Растаяла вся соль, и радостно Осел

С пустым мешком доплыл и на берег взошел.

Погонщик между тем со страху за скотину

И своему Ослу ослабил повода,

А этот, видя, что вода

Освободила друга от труда,

Недолго думая, бух вслед за ним в стремнину.

Но тут свершилася нежданная беда:

Водою губки мигом напитались

И стали, как свинец, тянуть Осла ко дну.

Погонщик мой взревел, Осел ни тпру, ни ну,

И оба с жизнью бы наверное расстались,

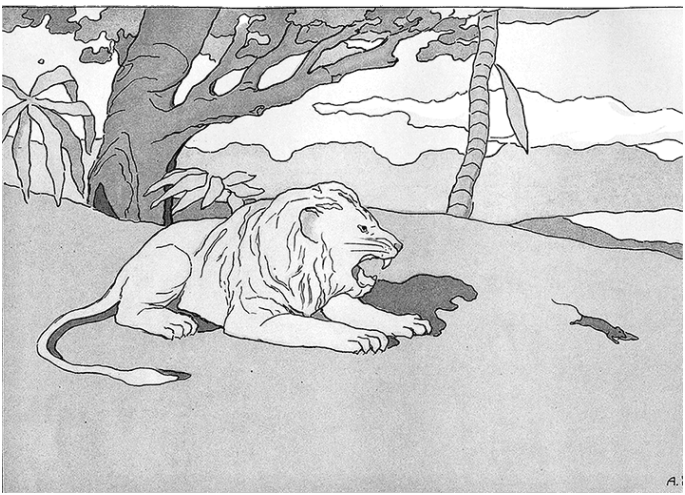
Когда б не подошли на помощь рыбаки.

Не так же ль действуют иные дураки,

Которые в делах своих не рассуждают,

А только в точности счастливцам подражают.

Лев и Мышь
Перевод И. Крылова



У Льва просила Мышь смиренно позволенья

Поблизости его в дупле завесть селенье

И так примолвила: «Хотя-де здесь, в лесах,

Ты и могуч и славен;

Хоть в силе Льву никто не равен,

И рев один его на всех наводит страх,

Но будущее кто угадывать возьмется –

Как знать? кому в ком нужда доведется?

И как я ни мала кажусь,

А, может быть, подчас тебе и пригожусь».

«Ты! – вскрикнул Лев. – Ты, жалкое созданье!

За эти дерзкие слова

Ты стоишь смерти в наказанье.

Прочь, прочь отсель, пока жива, –

Иль твоего не будет праху».

Тут Мышка бедная, не вспомняся от страху,

Со всех пустилась ног – простыл ее и след.

Льву даром не прошла, однако ж, гордость эта:

Отправяся искать добычи на обед,

Попался он в тенета.

Без пользы сила в нем, напрасен рев

и стон,
Как он ни рвался, ни метался,
Но все добычею охотника остался,
И в клетке на показ народу увезен.
Про Мышку бедную тут поздно вспомнил он,
Что бы помочь она ему сумела,
Что сеть бы от ее зубов не уцелела
И что его своя кичливость съела.

Читатель, истину любя,
Примолвлю к басне я, и то не от себя –
Не попусту в народе говорится:
Не плюй в колодец, пригодится
Воды напиться.

Голубь и Муравей
Перевод Г-та

Однажды Голубь молодой
В полуденный палящий зной
Слетел к ручью воды напиться;
Но только что успел он наклониться,
Как видит, Муравей,
Сорвавшись с стебелька, что над водой качался,
Упал в ручей.
Бедняжка на воде из сил уж выбивался;
Он тут бы и погиб, но добрый Голубок
Ему в лихой беде помог:
Сорвав побег травы, он плотик безопасный
Устроил Муравью, и спасся так несчастный.
Минуты не прошло, как вдруг на бережке
С ружьем босой бродяга появился,
Увидел Голубя, добычею прельстился –

И уж возмнил ее в своем мешке.

Но Муравей тут вмиг на выручку явился:

Бродягу он всей пастью в пятку укусил;

Тот вскрикнул и ружье от боли опустил;

А Голубь, увидав опасного соседа,

Взлетел – и наш стрелок остался без обеда.

Астролог, упавший в колодец
Перевод О. Чюминой

Упал на дно колодца Астролог.
И многие над ним глумились, со словами:
– Глупец, ты у себя не видел под ногами,
Так что ж над головой ты в небе видеть мог?

В подобном приключенье
Для множества людей таится поученье.
Меж ними мало есть таких,
Которые бы зачастую
В сердцах не тешились своих
И не лелеяли о том мечту пустую,
Что смертному, чей взор духовный слеп,
Открыта книга вечная судеб.
Но что ж иное книга эта,
Гомером и его ближайшими воспета,

Когда не то, что Случай или Рок

Звалося в древности, у нас же – Провиденье?

А Случая возможно ль изученье?

И если б кто-нибудь его предвидеть мог,

Судьбою, Роком, Случаем едва ли

Его бы в мире называли;

А что касается святых путей Того,

Кто без намеренья не создал ничего, –

Кто может видеть их и в них читать, помимо

Владыки Самого,

Чья воля высшая для нас непостижима?

Ужели на челе сияющих светил

Рукой Божественной все то Он начертил,

Что тьма времен окутала покровом?

И что за польза нам была бы в знанье новом?

Дать пищу для умов служителей наук?

Искать спасения от неизбежных мук?

Но даже счастие предвиденное – сладость

Утратило б свою, и превратилась радость

В унынье прежде, чем вкусили б мы ее.

К такому знанию стремленье –

Ошибка, нет, скорее – преступленье.

Свершает рой светил движение свое,

И солнце каждый день восходит над землею,

Сменяя тьму с ночною мглою;

Но заключение из этого одно

Выводим мы – такого рода:

Светить и согревать светило дня должно,

И править сменою времен различных года,

Оказывать влиянье на тела,

И жизнь давать посевам без числа.

В порядке стройном во вселенной

Все чередой проходит неизменной.

Что в этом общего с изменчивой судь-

бой?

Вы, составлявшие обманно гороскопы!

Покиньте двор правителей Европы,

Да и алхимиков возьмите всех с собой…

Не больше веры вам, чем этим шарлатанам!

Но, негодуя пред обманом,

Отвлекся в сторону, отчасти без нужды,

От астролога я, хлебнувшего воды.

Является живым примером

Он тех, которые, гонясь вослед химерам,

Не видят пред собой действительной беды.

Заяц и Лягушки
Перевод Н. Юрьина

Раз Заяц размышлял в укромном уголке

(В укромных уголках нет лучше развлеченья);

Томился Зайчик наш в тоске –

Печальны и робки все зайцы от рожденья.

«Ах, – думал он, – кто так пуглив, как я,

Тому на свете нет житья!

Спокойно не проглотишь и кусочка,

Ничто не радует, беды отвсюду ждешь,

Трясешься день, без сна проходит ночка, –

И так весь век живешь…

– Зачем же, – скажут, – ты так мечешься тревожно? –

Да разве страх осилить можно?

Кто что ни говори, а я уверен в том,

Что даже людям он знаком».

Так Заяц размышлял, но размышлял с оглядкой.

Опасность чуял он со всех сторон;

Чуть листик шелохнет, чуть тень мелькнет, – и он

Уж трясся лихорадкой…

Вдруг наш зверек,

Среди своих печальных размышлений,

Услышал легкий шум… Без долгих рассуждений

Что было мочи он пустился наутек.

Не чуя ног бежит – и добежал до пруда.

Что ж видит он? О чудо!..

Лягушки от него к воде скорей бегут,

Лягушек дрожь берет, Лягушки скачут в пруд.

«О-го! – промолвил он, – как пригляжуся,

Так в этой стороне

Таким же, как другие мне,

И сам я кой-кому кажуся.

Должно быть, я не так уж плох,

Коль мог произвести такой переполох.

Как! я один сумел повергнуть их в смятенье!

Им чудится во мне

Призыв к войне!»

Да, для меня теперь уж нет сомненья:

Как ты ни будь труслив, найдется наконец

Тот, перед кем и ты окажешься храбрец.

Петух и Лиса
Перевод О. Чюминой

На ветке дерева сидел, как часовой,
Петух лукавый лет почтенных.
И молвила Лиса, смягчая голос свой:
«Брат! Из источников я знаю несомненных:
Мир заключен меж нами навсегда.
Тебе об этом объявляю
И от души
Тебя обнять на радостях желаю.
Не медли и ко мне спуститься поспеши.
Сегодня каждый миг мне дорог:
Ведь сделать я должна миль сорок.
Итак, боязнь отныне отложи,
Свершай свои обычные занятья;
Тебе и всем твоим поможем мы, как братья.
В честь мира мы зажжем сегодня же огни.

Приди скорей в мои объятья!»

«Сестра, – сказал Петух, – ты не могла принесть
Мне лучшую, желаннейшую весть,
И от тебя сугубо
Ее мне слышать любо.
Но вот борзых я вижу двух,
Они во весь несутся дух, –
Их, верно, шлют о мире к нам гонцами;
Я с дерева сойду сейчас же к ним,
И вчетвером союз объятьем закрепим».

«Нет, озабочена я дальними концами, –
Лиса промолвила, – мне нынче недосуг:
В другой раз мы порадуемся, друг».
Так, в хитрости своей дав маху,
Во весь опор Лиса пустилась в путь.
Петух же про себя ее смеялся страху:
Обманщика вдвойне приятно обмануть.

Вороненок
Перевод И. Крылова

Орел
Из-под небес на стадо налетел
И выхватил ягненка,
А Ворон молодой вблизи на то смотрел.
Взманило это Вороненка,
Да только думает он так: «Уж брать, так брать,
А то и когти что марать!
Бывают и орлы, как видно, плоховаты.
Ну, только ль в стаде что ягняты?
Вот я как захочу
Да налечу,
Так царский подлинно кусочек подхвачу!»
Тут Ворон поднялся над стадом,
Окинул стадо жадным взглядом:
Из множества ягнят, баранов и овец
Высматривал, сличал и выбрал нако-

нец

Барана, да какого?

Прежирного, прематерого,

Который доброму б и волку был в подъем.

Изладясь, на него спустился

И в шерсть ему, что силы есть, вцепился.

Тогда-то

он узнал, что добычь не по нем.

Что хуже и всего, так на баране том

Тулуп такой был прекосматый,

Густой, всклокоченный, хохлатый,

Что из него когтей не вытеребил вон

Затейник наш крылатый

И кончил подвиг тем, что сам попал в полон.

С барана пастухи его чинненько сняли;

А чтобы он не мог летать,

Ему все крылья окорнали

И детям отдали играть.

Нередко у людей то ж самое бывает,

Коль мелкий плут
Большому плуту подражает:
Что сходит с рук ворам, за то воришек бьют.

Павлин, жалующийся Юноне
Перевод В. Жукова

Павлин Юноне говорил:
«Меня Юпитер одарил
Противным голосом… В природе
Он самый худший в птичьем роде…
Уж я не то, что соловей!
Простая птица, – а ведь пенье
Его приводит в восхищенье
Весной всех тварей и людей!»
Юнона в гневе отвечала:
«О злой завистник! перестань!
Тебе ль завидовать пристало
И возносить на небо брань?
Не ты ли носишь ожерелье
С роскошной радугой цветов,
Что так похоже на изделье
Из ловко собранных шелков?
Ты только плачешь, забывая
О том, что твой уж хвост один

Похож, каменьями играя,
На ювелирный магазин!
Скажи-ка мне, какая птица
С тобой сумела бы сравниться
Такою массою чудес?
Нет совершенства в группе птичьей, –
Но каждой птице дан удел,
Особый признак и отличье:
Орел отважен, горд и смел,
А сокол легкостью гордится,
Ворона – вестник всяких бед,
А ворон нам открыть стремится
Глубокий мрак грядущих лет;
И все довольны… Не мешало б,
Друг, и тебе, забыв мечты,
Не приносить мне больше жалоб,
Чтоб не лишиться красоты,
Которой мной отмечен ты!»

Кошка, превращенная в Женщину
Перевод А. Измайлова

Был в старину такой дурак,
Что в Кошку по уши влюбился;
Не мог он жить без ней никак:
С ней вместе ночью спать ложился,
С одной тарелки с нею ел,
И, наконец, на ней жениться захотел.
Он стал Юпитеру молиться с теплой верой,
Чтоб Кошку для него в девицу превратил.
Юпитер внял мольбе и чудо сотворил:
Девицу красную из Машки-Кошки серой!
Чудак от радости чуть не сошел с ума:
Ласкает милую, целует, обнимает,
Как куклу наряжает.
Без памяти невеста и сама,
Охотно руку дать и сердце обещает.
Жених не стар, пригож, богат еще притом,

Какая разница с котом!

Скорей к венцу. И вот они уж обвенчались;

Все гости разошлись, они одни остались.

Супруг супругу раздевал,

То пальчики у ней, то шейку целовал;

Она сама его, краснея, целовала…

Вдруг вырвалась и побежала…

Куда же? – Под кровать: увидела там мышь.

Природной склонности ничем не истребишь.

Лев и Осел на охоте
Перевод Ф. Зарина

В день именин своих затеял царь зверей
Охотой позабавиться на славу.
Понятно, дичь его крупней,
Чем воробей:
Оленей, кабанов он загонял в облаву.
Чтобы удачнее охота та была,
Лев в помощь взял себе Осла,
Который, голосом Стентора обладая,
Загонщиком мог быть, лес ревом оглашая.
Установив его в засаде меж ветвей,
Прикрыв кустами от зверей,
Лев дал ему приказ –
Реветь тотчас.
Лев был уверен: ни единый
Из всех зверей, услыша рев ослиный,
Не устоит,
И в страхе побежит.

Действительно: едва лишь по лесу раздался

Ослиный рев, – весь лес заволновался.

Не зная, что грозит, беды откуда ждать,

От страха звери заметались,

В смятенье бросились бежать

И в сети Льву попались.

Осел по глупости успехом возгордился

И молвил: «Как я отличился!»

С презрением ему на то ответил Лев:

«Ты прав, – твой был ужасен рев.

Я сам бы от него пришел в смущенье,

Когда бы твоего не знал происхожденья!»

Осел обидеться бы мог,

Хотя осмеян был по праву…

Но для Осла в обиде нет тревог:

Осел – животное покладистого нрава.

Эзопово объяснение одного завещания
Перевод А. Зарина

Если верить тому, что Эзоп говорил
(Он умнейшим средь граждан считался,
И за мудрость у греков оракулом слыл:
Всяк с советом к нему обращался),
Вот одна из историй. Ее кто прочтет,
Занимательной, верно, найдет.

Один богач имел трех взрослых дочерей,
Различных по характерам. Кокеткой
Одна взросла в семье своей,
Другая – пьяницей, а третья – домоседкой,
Скупой, расчетливой. Отец,
О смертном часе помышляя,
Законам следуя, как истинный делец,
Духовную составил, оставляя
Имущество свое трем дочерям

По равным трем частям;

Жене ж своей лишь то, что каждая даст дочь,

Когда своим добром владеть не будет мочь.

Вот умер он. Все тотчас поспешили

Узнать, кого и чем он наделил.

Когда же завещанье вскрыли,

Неясный смысл его невольно всех смутил.

Что матери возможно дать,

Когда своим добром не будешь обладать?

Что в завещании хотел сказать отец?

Напрасно думали и мудрый, и глупец.

Вот судьи собрались, устроили совет

И головы свои ломали;

Но как слова ни толковали, –

Все в завещанье смысла нет.

И, выбившись из сил,

Совет решил:

Пусть дочери добро все поровну поде-

лят,

Кому что нравится; а матери своей

Пусть каждая из дочерей

Назначит пенсию иль часть добра отделит.

Согласно этому решенью,

Устроили раздел при помощи судей,

И каждая сестра по своему влеченью

Взяла одну из трех частей:

Кокетка дом взяла со всею обстановкой,

С конюшнею роскошных рысаков;

Чтоб ежедневно тешиться обновкой,

Взяла портних, уборщиц, евнухов,

Все драгоценные убранства.

А пьяница, для кутежей и пьянства,

Все принадлежности пиров:

Буфеты, погреба с вином сортов различных,

Для кухни и стола прислужников-рабов,

Служить пирующим привычных.

А третьей, что была жадна и береж-

лива,

Досталися рабы, домашний разный скот,

Сады и лес, луга и нивы,

Весь, словом, сельский обиход.

По нраву каждая свою достала долю,

Исполнивши отцом завещанную волю.

В Афинах граждане все жарко восхваляли

Оценку и дележ; и мудрый, и дурак

О завещанье толковали,

Хваля ареопаг.

Один Эзоп, с насмешкою лукавой,

Раздел премудрый находил

Лишенным даже мысли здравой

И говорил:

«Когда б покойник ухитрился

Ожить внезапно, как бы он

Решенью судей изумился

И попрекнул бы ваш закон!

Вы справедливостью гордитесь,

А завещанья не смогли

Понять, и даже не стыдитесь,
Что бедную вдову на голод обрекли!»
И после этого внушенья
Он снова произвел раздел именья.
И, как покойник завещал,
Его согласно воли,
Добро он разделил на равные три доли;
Но дочерям те доли дал
Их склонностям вразрез. Кокетке
Он дал посуду, вина, мед;
Безделки – домоседке,
А пьянице – весь сельский обиход.
Так доли их не стали уж «своими»,
И поделиться ими
Они охотно с матерью могли.
Когда ж в замужество пошли,
То ни одна из них не пожалела
Все матери отдать…
Сумел один Эзоп лишь разгадать,
В чем было дело.
Дивились граждане, что ум его свет-
лей,

Чем несколько умов разумников-судей.

Мельник, Сын его и Осел
Перевод О. Чюминой

А. М. Д. М.

В создании искусств есть право старшинства:

На басню Греция имеет все права.

Но пусть на поле том колосьев сжато вволю –

Осталось кое-что и сборщикам на долю.

Ведь область выдумки – пустынный край, и в нем

Открытья делает писатель с каждым днем,

Притом же для других – без всякого ущерба.

Вот случай, узнанный Раканом от Малерба.

Друзья, творенья чьи их ставят наравне

С самим Горацием, питомцы Аполло-

на,

И нас приведшие к поэзии на лоно,

Однажды как-то речь вели наедине,

Делясь заботами и думами. И другу

Ракан промолвил так: «Подайте мне совет,

Вы тем окажете большую мне услугу.

Вы изучили
жизнь, для вас, на склоне лет,

В явлениях ее наверно тайны нет.

Что сделать мне с собой? Пора принять решенье.

Имущество мое, талант, происхожденье –

Давно известны вам. Так что же изберу?

Уеду ль в замок свой? Явлюсь ли ко двору

Иль в армию вступлю – служить моей отчизне?

Свои приятности есть в жизни боевой,

Свои опасности – в семейной нашей жизни.

Один – я сделал бы немедля выбор свой,

Но выбираю я не для себя в угоду:

Хочу я угодить родне, двору, народу».

«Как? – вымолвил Малерб. – Всем угодить зараз?

Прошу вас выслушать сначала мой рассказ.

Я где-то прочитал, но где – не помню даже,

Что Мельник пожилой, а с ним его Сынок,

Так лет пятнадцати не больше паренек,

На ярмарку вели Осла их для продажи.

Заботясь, чтоб Осел, ведомый издали,

Не показался бы измученным с дороги,

Они веревкою ему связали ноги

И на себе его, как люстру, понесли.

Прохожий первый же в лицо чистосердечно

Расхохотался им: «Всех более, конечно,

Не тот из вас осел, который им слывет…

Вас прямо в балаган – подобную картину!»

Смутился Мельник тут, распутал он скотину,

Поставил на ноги. И что ж? Осел ревет,

И жалуется он на языке ослином.

Конечно, Мельник наш и ухом не ведет

И, к месту ярмарки путь продолжая с Сыном,

Сажает мальчика на серого верхом.

Но вскоре три купца им встретились грехом,

И старший закричал: «Долой скорее, малый!

Не стыдно ли тебе? Старик в его года

Плетется, как слуга, разбитый и усталый».

«Что ж! Будь по-вашему, пожалуй, господа!» –

Ответил Мельник им. Остановясь тогда,

Он влез на серого, а Сын пошел с ним рядом.

Но тут три девушки окинули их взглядом,

Промолвив: «Юноша чуть тащится пешком,

А старый на Осле уселся – бык быком,

Важней епископа он держится, бездельник!»

«Ступай своим путем, – сердито крикнул Мельник, –

И нечего чесать напрасно языки!

Я стар и не гожусь поэтому в быки».

Последовал обмен подобных же приветствий.

Вину свою признав, и Сына на Осла

С собой сажает он; но этим новых бедствий

Не избежал бедняк. Толпа навстречу шла,

И люди
молвили: «Да что они, в уме ли?

Возможно ли Ослу подобный груз нести?

Должно быть, старого слугу не пожалели!

Он под ударами издохнет на пути;

Продать на ярмарке они желают шкуру!»

«Ну, – Мельник вымолвил, – возможно только сдуру

Пытаться угодить, как я, на целый свет!

Но все же неужель такого средства нет?

Попробуем еще». На землю сходят оба,

Осел же налегке, как важная особа,

Пред ними шествует. Но зубоскал один

При встрече крикнул им: «Слуга иль господин –

Кто должен уставать? Ужели нынче в моде,

Чтоб вислоухие гуляли на свободе?

Вы вставьте-ка его скорей в оклад!

Что обувь-то жалеть? Эй, Николай, назад!

Поется в песенке, что видеться с Жанетой

Ты ездил на осле, простись же с модой

этой.

Нигде не видел я подобных трех ослов!»

И Мельник отвечал: «Себя без лишних слов

Ослом я признаю; но люди как угодно

Пусть хвалят и бранят меня поочередно,

Молчат иль говорят, лишь собственный мой нрав

Намерен тешить я и действовать свободно».

Так он и поступил, и был, конечно, прав.

А вы, мой друг, – останьтесь, уходите,

Венере, королю иль Марсу вы служите

Иль заберитесь в глушь провинции родной,

Обзаведитесь вы аббатством иль женой;

Но толков никаким вам не избегнуть чудом,

И пищу вы всегда дадите пересудам.

Члены тела и Желудок
Перевод А. Зарина

Я должен мой рассказ начать изображеньем
Величья королей, их счастия и бед.
Желудок для того послужит мне сравненьем;
Все Члены чувствуют, доволен он иль нет.

Раз Члены, утомясь трудиться для Желудка,
Решили отдохнуть от суетных забот,
Пожить без всякого труда, как он живет,
И говорили: «Ну-тка,
Пускай он воздухом попробует прожить!
Довольно для него рабами нам служить.
Ничем не пользуясь, не зная развлеченья,

Потеем,
трудимся мы только для него.
Попробуем же счастья своего
И поживем без горя и волненья!»
Решили так, и вот
Объявлено Желудку: пусть зовет
Он слуг других; ему не слуги
Ни Ноги, ни Спина, ни Руки.
Работа кончилась, но очень скоро Члены
Узнали зло от их измены.
Пустой Желудок, кровь не обновляя,
Все тело поразил, болезнью ослабляя.
Исчезла сила Рук и Ног,
Никто владеть собой не мог.
Тут все мятежники на деле увидали,
Что тот, кого они считали
Лентяем праздным, – тот для них
Трудился больше их самих.
С желудком сходны короли:
Они дают и получают;
На них работают все граждане земли,

Из них и пользу извлекают.
Король дает всем жить, труд честный поощряет.
Законом огражден, ремесленник живет,
Чиновник свой оклад исправно получает,
И барыши купец берет.
Король достойное достойным воздает
И всей страною управляет.
Прекрасно это все Менений рассказал,
Когда народ, сенатом недовольный,
На тягость жизни подневольной
Вдруг возроптал.
Завидуя могуществу и власти
Сенаторов, он с яростью вопил:
«Им весь почет, – нам все напасти,
Налоги, подати! Мы выбились из сил!»
И, возмущенный, за стенами
Сбирался грозными толпами.
Менений, приравняв бунтующих людей
К тем Членам, что подняли возмущенье,

Прекрасной баснею своей
Смирил народное волненье.

Волчья хитрость
Перевод А. Измайлова

По нужде Волк постился:
Собаки стерегли и день, и ночь овец.
Однако же и Волк был не глупец.
Вот думал, думал он и ухитрился,
Да как же? – пастухом, проклятый, нарядился:
Надел пастуший балахон,
Накрыл себя пастушьей шляпой,
И, опершись о посох лапой,
Подкрался в полдень к стаду он.
Пастух под тенью спал, собаки тоже спали,
И овцы все почти, закрыв глаза, лежали,
Любую выбрать мог. «А что? – Волк думает. –
Когда теперь примуся
Душить овец, то вряд отсюда уберуся:
Начнут блеять, а я не унесу и ног;

Дай лучше отгоню подалее все стадо.

Постой, да ведь сказать хоть слово дурам надо:

Я слышал, как пастух с овцами говорил».

И вот он пастуха как раз передразнил:

Завыл.

Поднялся вдруг Барбос; за ним Мурза вскочил:

Залаяли, бегут. Мой Волк уж прочь от стада,

Но в амуниции плохая ретирада:

Запутался он в платье и упал.

Барбоска вмиг его нагнал,

Зубами острыми за шею ухватился,

Мурза тут подоспел, за горло уцепился;

Пастух же балахон и шкуру с Волка снял.

О святках был я в маскараде:

Гляжу, стоит в кружку какой-то генерал,

В крестах весь, вытянут, как будто на параде, –

И как о Тактике он врал!
Что ж вышло? это был… капрал.

Старик и его сыновья
Перевод В. Мазуркевича

Послушайте рассказ фригийского раба!
Он говорил, что сила в единенье,
Что сила всякая в отдельности слаба,
И если сделал я в рассказе измененье,
То вовсе не затем, чтоб, завистью томясь,
Я добивался той же громкой славы, –
Нет, просто описать хотел я ваши нравы.
Ведь Федр, лишь к почестям стремясь,
Нередко увлекался славой;
Но я ее считаю лишь забавой.
Итак, вернусь к рассказу поскорей,
Как поучал отец своих детей.
Старик прощался с жизнию земною
И обратился с речью к Сыновьям:
«Вот тонких прутьев пук, скрепленных бечевою;
Сломайте-ка его, а я попозже дам

Вам объясненье, в чем тут дело».

Пучок взял Старший брат, – усилия напряг

И возвратил, сказав: «Нет, не сломать никак!»

Пучок взял Средний брат уверенно и смело,

Но – тот же неуспех! И Младший брат не мог,

Как оба старшие, переломить пучок.

Потратили они и труд, и время тщетно,

Из прутьев ни один им не пришлось сломать.

«Бессильные! – сказал с улыбкой чуть заметной

Отец. – Ужели ж мне пример вам показать?!»

«Он шутит!» – порешили дети.

Но нет, Старик бечевку развязал,

Рассыпал прутья эти

И каждый без труда в отдельности сломал.

«Вы видите! Вот сила единенья!

Так будьте же дружны! Пусть сблизит вас любовь».

У ложа Старика стояли все в смущенье,

Но, чуя смерть свою, заговорил он вновь:

«Пред Вышним Судией сейчас готов предстать я

В стране, где ни вражды, ни лжи, ни злобы нет.

Прощайте, милые, и дайте мне обет,

Что будете всегда вы дружно жить, как братья».

Рыдают Сыновья; в печали каждый брат

Хранить завет отца навеки обещает;

Прощается Старик с детьми и умирает.

В наследство Сыновьям (отец их был богат)

Досталося имущество большое,

Да только жаль, расстроено оно;

И бедным Сыновьям с тех пор не суждено

Пяти минут побыть в покое:

Здесь теребит сосед, там лезет кредитор,

Тут просто жалоба, а там судебный спор.

Сначала всем троим удача улыбалась, –

В союзе дружеском был твердый их оплот,

Но дружба тесная недолго продолжалась;

Их сблизило родство, разъединил – расчет.

Тщеславье, злоба с завистью и сплетней

В их отношеньях стали все заметней.

Сначала спор, затем раздел, –

А враг как раз лишь этого хотел;

Вновь кредиторы налетели,

Ущерб наносят в каждом деле,

И каждый промах, ложный шаг

Подстерегает хитрый враг.
В суде ждет братьев пораженье,
Но братья продолжают спор
И делают в каком-то ослепленье
Друг другу все наперекор!
Один решает так, другой решает эдак,
И напоследок
Они узнать принуждены,
Что этою враждой вконец разорены, –
И тут, хоть поздно, вспомнили с тоскою
О прутьях, связанных одною бечевою.

Козел и Лисица
Перевод А. Измайлова

Козел большой, рогатый,
Преважный с виду, бородатый,
Но по уму едва ль не брат ослу родной,
С плутовкою Лисой дорогой шел одной.
День самый жаркий был; листок не колыхался;
Их жажда мучила, а солнце их пекло.
Шли, шли они, и вдруг колодезь им попался.
«Смотри-ка, куманёк, вода здесь как стекло!
Не хочешь ли испить?» – Лиса Козла спросила.
Безмозглый бородач в колодезь мигом скок:
Колодезь этот был, по счастью, не глубок.
Лисица, видя то, туда же соскочила,
И взапуски ну двое пить.

Лиса, напившися, сказала: «Как нам быть,

Голубчик куманёк? Идти еще далёко;

А вылезть вон нельзя – высóко!»

«Не приложу ума:

Подумай, кумушка, сама».

«А вот я вздумала: пожалуй, потрудися,

На задни ноги встань, передними уприся

Покрепче ты в обруб, да чур не шевелися;

Отсюда вылезу я по твоим рогам,

А там

И кума вытащить наверх я постараюсь».

«И впрямь так! удивляюсь!

Уж что за кумушка! какая голова!

Да мне бы этого не выдумать дня в два.

Изволь...» – И с словом сим Лисе подставил роги.

Лисица вылезла. «Сиди же здесь, глу-

пец!» –

Сказала, и давай Бог ноги!

Предвидеть надобно во всех делах конец.

Орел, Дикая Свинья и Кошка
Перевод А. Зарина

Орел свил гнездо на вершине
Высокого дуба. Внизу, у корней,
Кабан поселился с семьею своей,
А Кошка – в ветвях, в середине.
Все были довольны. Никто никому
Соседством не делал помехи,
И, с делом мешая утехи,
Жил каждый, как было по вкусу ему.
Но Кошке лукавой согласье такое
Ни ночью, ни днем не давало покоя.
Решила поссорить соседей она;
Взобралась к Орлу на вершину
И молвила: «Вместе кручину
Должны мы делить. Я лишилася сна.
Грозит нам погибель с детями:
Мы скоро раздавлены будем ветвями!
Смотрите: внизу, подле самых корней,
Проклятый Кабан с Кабанихой своей

Без отдыха землю копают,
Готовя погибель для наших детей.
Они, добираясь до самых корней,
Те корни тотчас обрывают.
Дуб рухнет. Малютки из гнезд упадут
И смерть у Свиней в логовище найдут!» –
И, страхом наполнивши сердце Орла,
С ним Кошка лукаво простилась,
И только на землю спустилась,
Как к Свиньям в жилище смиренно вошла.
«Друзья и соседи! – сказала она. –
Пришла я к вам с вестью печальной.
Подслушала речи Орла я случайно
И вам передать их по дружбе должна.
Лишь только из вас кто из дому уйдет, –
Тотчас же Орел поросят унесет.
Пожалуйста,
только молчите про это,
Не то он сживет меня в злости со света!» –

И, ужас посеяв в семье Кабана,
Счастливой домой возвратилась она.
Орел, опасаясь за участь птенцов,
Боится лететь за добычей.
Кабан, позабыв свой обычай,
Боится оставить свой кров.
Идут дни за днями. Их голод терзает;
Но бросить детей ни Орел, ни Кабан,
Поддавшись на Кошкин коварный обман,
Ни тот ни другой не дерзает:
Орел опасается дуба паденья,
Кабан же Орла посещенья.
Сидят они оба, а голод не ждет:
Подохли Кабан, поросята,
От голода сдохли орлята,
Подох и Орел в свой черед.
А Кошка за подлое дело
Всем дубом одна завладела.

Что выдумать может коварный злодей
На гибель иль ради раздора –

Того не придумать. Всех прочих гнусней
Несчастий из дара Пандоры
То, коим весь мир возмущался всегда;
Названье ему – клевета!

Пьяница и Жена его
Перевод О. Чюминой

У каждого есть свой порок,
В который он впадает неотступно;
И стыд, и страх нейдут при этом впрок,
Чему пример я приведу невступно.
Жил Пьяница один, тянувший Вакхов сок,
Губя свой ум, здоровье, кошелек.
Подобные ему не проживут полсрока,
Назначенного им, как, совесть заглуша,
Все спустят до гроша.
Испробовав не в меру сока
Лоз виноградных, разум свой
Оставил он на дне бутыли,
И был Женою в склеп опущен гробовой
Затем, чтоб винные пары перебродили
Там на свободе. От паров
Очнувшись, наконец, и саван, и покров,

И свечи видит он, дивясь тому немало.

– Ого! – воскликнул он. – Ужель вдовою стала

Жена моя? – Тогда наряжена

Алекто, фурией геенскою, предстала

Под маскою его Жена,

Держа сосуд с дымящейся похлебкой,

Достойной князя тьмы. И вот, на миг один

Не сомневается душою он неробкой,

Что он – геенны гражданин.

– Кто ты? – спросил он у виденья.

– Я ключницей служу у сатаны

И пищу приношу тем, кто обречены

В гробу на заключенье. –

Тут бессознательно супруг спросил ее:

– А ты не носишь им питье?

Подагра и Паук
Перевод И. Крылова

Подагру с Пауком сам ад на свет родил:
Слух этот Лафонтен по свету распустил.
Не стану я за ним вывешивать и мерить,
Насколько правды тут, и как, и почему;
Притом же, кажется, ему,
Зажмурясь, в баснях можно верить.
И, стало, нет сомненья в том,
Что адом рождены Подагра с Пауком.
Как выросли они и подоспело время
Пристроить деток к должностям
(Для доброго отца большие дети – бремя,
Пока они не по местам!),
То, отпуская в мир их к нам,
Сказал родитель им: «Подите

Вы, детушки, на свет и землю разделите!

Надежда в вас большая есть,

Что оба вы мою поддержите там честь,

И оба людям вы равно надоедите.

Смотрите же: отселе наперед,

Кто что из вас в удел себе возьмет –

Вон, видите ль вы пышные чертоги?

А там вон хижины убоги?

В одних простор, довольство, красота;

В других и теснота,

И труд, и нищета».

«Мне хижин ни за что не надо», –

Сказал Паук. «А мне не надобно палат, –

Подагра говорит. – Пусть в них живет мой брат.

В деревне, от аптек подале, жить я рада;

А то меня там станут доктора

Гонять из каждого богатого двора».

Так смолвясь, брат с сестрой пошли,

явились в мире.

В великолепнейшей квартире

Паук владение себе отмежевал:

По штофам пышным, расцвеченным

И по карнизам золоченым

Он паутину разостлал

И мух бы вдоволь нахватал;

Но к рассвету едва с работою убрался,

Пришел и щеткою все смел слуга долой.

Паук мой терпелив: он к печке перебрался,

Оттоле Паука метлой.

Туда, сюда Паук, бедняжка мой!

Но где основу ни натянет,

Иль щетка, иль крыло везде его достанет

И всю работу изорвет,

А с нею и его частехонько сметет.

Паук в отчаянье, и за город идет

Увидеться с сестрицей.

«Чай, в селах, – говорит, – живет она царицей».

Пришел – а бедная сестра у мужика
Несчастней всякого на свете Паука:
Хозяин с ней и сено косит,
И рубит с ней дрова, и воду с нею носит.
Примета у простых людей,
Что чем подагру мучишь боле,
Тем ты скорей
Избавишься от ней.
«Нет,
братец, – говорит она, – не жизнь мне в поле!»
А брат
Тому и рад;
Он тут же с ней уделом обменялся:
Вполз в избу к мужику, с товаром разобрался
И, не боясь ни щетки, ни метлы,
Заткал и потолок, и стены, и углы.
Подагра же – тотчас в дорогу,
Простилася с селом;
В столицу прибыла и в самый пышный дом
К Превосходительству седому села

в ногу.

Подагре рай! Пошло житье у старика:

Не сходит с ним она долой с пуховика.

С тех пор с сестрою брат уж боле не видался;

Всяк при своем у них остался,

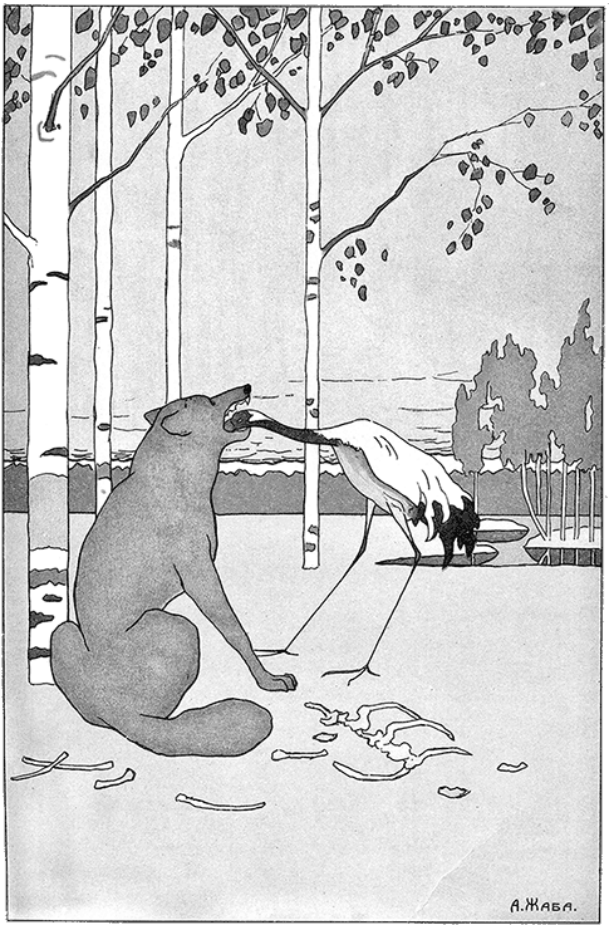
Доволен участью равно:

Паук по хижинам пустился неопрятным,

Подагра же пошла по богачам и знатным;

И – оба делают умно.

Волк и Журавль
Перевод И. Крылова


А.Жаба.

Что волки жадны, всякий знает:

Волк, евши, никогда

Костей не разбирает.

Зато на одного из них пришла беда:

Он костью чуть не подавился.

Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;

Пришло хоть ноги протянуть!

По счастью, близко тут Журавль случился.

Вот кой-как знаками стал Волк его манить

И просит горю пособить.

Журавль свой нос по шею

Засунул к Волку в пасть и с трудностью большою

Кость вытащил и стал за труд просить.

«Ты шутишь! – зверь вскричал коварный. –

Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!

А это ничего, что свой ты долгий нос

И с глупой головой из горла цел унес!

Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся».

Лев, сраженный человеком
Перевод О. Чюминой

Художником был на картине
Громадный Лев изображен –
Одним охотником в пустыне
Отважно насмерть поражен.
И зрители, толпясь гурьбою,
Хвалились тем, толкуя меж собою.
Но проходивший Лев с них сбил немного спесь.
«Да, – молвил он, – победу здесь
Вы торжествуете, хотя и без причины;
Но в силу больших прав, чем вы,
Торжествовали бы свои победы львы,
Когда б писать умели львы картины».

Лебедь и Повар
Перевод О. Чюминой

На птичнике, среди пернатых разных,

Пород весьма разнообразных –

Случилось Лебедю и Гусю вместе жить.

Второй, наружностью невзрачен,

Для вкуса барскою усладой предназначен;

А первый должен был утехой глаз служить.

Один – себя зачислил в штат домашних,

Другой – при парке состоял.

Местами же прогулок их всегдашних

Был ров, к которому спускался замка вал.

Бок о бок, рассекая волны,

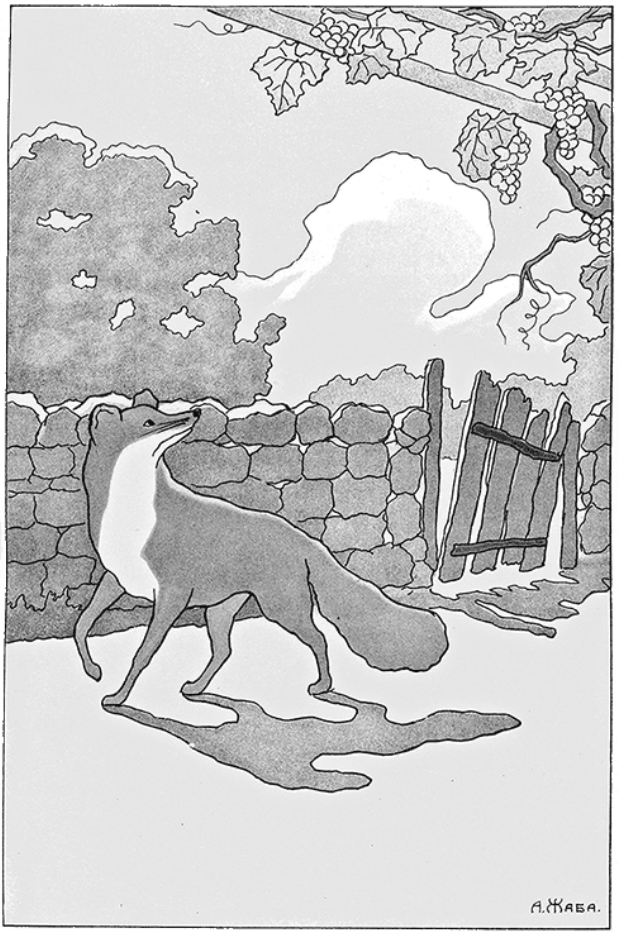
Там плавали они, желаний тщетных полны,

Ныряли в глубину. Но раз, напившись пьян,

Господский Повар впал в обман
И, Лебедя принявши за Гусенка,
Хотел покончить с ним. Увидев сталь ножа,
Наш Лебедь, в ужасе, дрожа,
Излил тоску свою так сладостно и звонко,
Что Повар молвил тут: «Я не настольк о глуп:
Подобного певца я не отправлю в суп;
Не перережу собственной рукою
Я горло у того, кто с силою такою
И с мастерством таким
Умеет пользоваться им».
Когда случается бедам
Следить за нами по пятам, –
Всегда не лишнее уметь
Послаще петь.

Лисица и виноград
Перевод И. Крылова

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись,
А кисти сочные как яхонты горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдет,
Хоть видит око,
Да зуб неймет.
Пробившись попусту час целый,
Пошла
и говорит с досадою: «Ну, что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен – ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь».


А.ЖАБА.

Волки и овцы
Перевод О. Чюминой

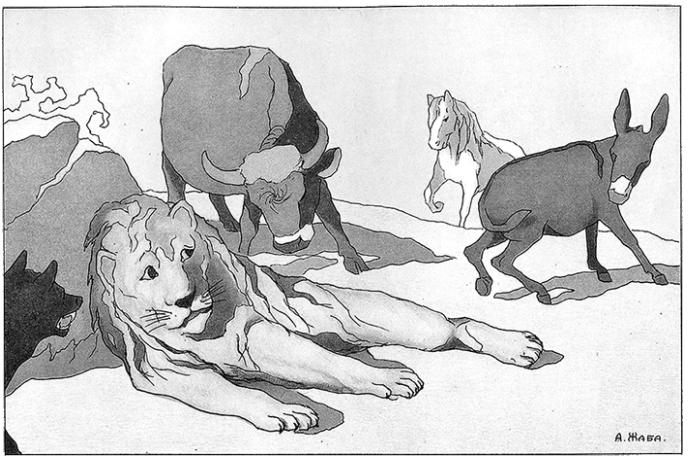
Лет тысячу велись открыто войны
Меж племенем Волков и племенем Овец;
Но мир был заключен меж ними наконец.
По-видимому, быть могли спокойны
Тут обе стороны. В прошедшем же грехи
Не раз бывали: Волк, явив свою натуру,
Овцу зарежет; пастухи
С него на плащ себе за это снимут шкуру:
Всю жизнь живи как на ножах!
Одни – на пастбищах, другие – в грабежах –
Все стеснены, немыслима свобода
И наслажденье благами. Итак,
При перемирии обмен такого рода
Был совершен: во избежанье драк,

Овечки отдали в заложники собак,
А Волчий род Волчат своих оставил.
Так, с соблюдением необходимых правил,
Подписан был властями договор.

Но время шло, и с некоторых пор
Волками ставшие все господа Волчата
В отсутствие господ их, пастухов,
В овчарне лакомясь, наделали грехов:
Оттуда лучшие, отборные Ягнята,
Безжалостно умерщвлены,
Волками были в лес затем унесены.
Грабители своих предупредили вскоре,
И те, в ночи войдя к собачьей своре,
Которая спала, доверья к ним полна,
Забыв о мирном договоре,
Зарезали собак во время сна:
Не избежала смерти ни одна.

Из этого наш вывод ясен:
Пусть мир есть лучшее из благ,
Но он бесплоден и опасен,
Когда без совести и чести враг.

Лев состарившийся
Перевод И. Крылова



Могучий Лев, гроза лесов,

Постигнут старостью, лишился силы:

Нет крепости в когтях, нет острых тех зубов,

Чем наводил он ужас на врагов,

И самого едва таскают ноги хилы.

А что всего больней,

Не только он теперь не страшен для зверей,

Но всяк, за старые обиды Льва, в отмщенье,

Наперерыв ему наносит оскорбленье:

То гордый конь его копытом крепким бьет,

То зубом волк рванет,

То острым рогом вол боднет.

Лев бедный в горе столь великом,

Сжав сердце, терпит все и ждет кончины злой,

Лишь изъявляя ропот свой

Глухим и томным рыком.

Как видит, что осел туда ж, натужа грудь,

Сбирается его лягнуть

И смотрит место лишь, где б было побольнее.

«О боги! – возопил, стеная, Лев тогда. –

Чтоб не дожить до этого стыда,

Пошлите лучше мне один конец скорее!

Как смерть моя ни зла:
Все легче, чем терпеть обиды от осла».

Филомела и Прокна
Перевод А. Зарина

Однажды Прокна-ласточка летала
От города далеко, в лес, в поля,
И услыхала
Песнь Филомелы-соловья.
Тут Прокна вскликнула: «Сестра! Что с вами сталось?
Как поживаете? Сто лет не видно вас.
С тех пор, как в Фракии расстались,
Не помню, жили ль вы средь нас!
Что вы имеете в примете?
Не здесь же жить среди полей!»
«Ах! – отвечала Филомела ей. –
Приятней для меня нет места в целом свете».
«Как? Здесь? Прекраснейшее пенье
Дарить животным и зверям,
Да неотесам мужикам?!
Пред ними изливать восторги вдохновенья!

Нет! Прилетайте к нам, и в пышных городах

Пусть ваше пенье слух ласкает,

Тем более, что здесь, в лесах,

Вам все кругом напоминает,

Как некогда Терей, в порыве исступленья,

На ваши прелести свое направил мщенье».

«Вот это-то воспоминанье, –

Ответил Соловей, –

Мне легче здесь переносить, в изгнанье;

А там, среди людей,

Я тосковала бы сильней!..»

Утопленница
Перевод А. Измайлова

Не дай Бог никому капризную жену!

Одна из жен таких на мужа рассердилась.

За что? Да он молчал, так за это взбесилась,

Кричала, плакала, бранилась.

И кинулась в реку – пошла как ключ ко дну.

Муж бедный с радости иль с горя прослезился,

Как скоро до него достигла эта весть;

Но он философ был и все мог перенесть:

Подумал и пустился,

Чтоб долг последний ей отдать.

И так в тоске, в печали,

По берегу реки тихохонько идет,

Глядит на все, что ни плывет;

Но волны только щепки мчали,

А нет как нет жены!

Знать надобно, что шел он против быстрины.

Встречается с ним Кум, дивится заблужденью

И говорит ему: «Пойдем вниз по теченью:

Кума должна вон там, гораздо ниже всплыть».

«Не может, братец, это быть;

Покойница во всем напротив поступала

И никому не уступала;

Против воды она, поверь мне, поплывет;

Поставит на своем, хоть три раза умрет».

Ласочка в амбаре
Перевод А. Зарина

Однажды Ласочка забралась
В амбар чрез узенькую щель.
Раздолье полное! Досель
Бедняжка еле чем питалась.
В довольстве стала жить она.
Лишь только встанет ото сна,
Грызет и ест, пирует вволю,
Благословляя долю.
Бог весть, что гибелью ей стало:
Такая жизнь иль много сала;
Вот что потом случилось с ней.
День ото дня она жирней
Все становилась. Раздобрело,
Толсто, как бочка, стало тело.
В конце недели, раз, она,
Поевши плотно, услыхала
Вдруг шум. Тревогою полна,
Она скорее подбежала

К дыре, чтоб вылезть. Ан узка
Дыра внезапно оказалась.
Бедняжка в страхе заметалась;
Вернулась снова. «Вот доска! –
Она воскликнула. – И в ней
Та самая дыра, в которую недавно, –
Всего назад тому шесть дней, –
Я так пролезла славно!
Что за диковина?..»
А Крыса ей в ответ:
«Диковины тут нет!
Тогда была ты – кости, кожа,
Теперь на бочку ты похожа.
Ты сбрось-ка жир – исчезнет сразу чудо!..»

Слова ее сказать другим не худо.
Но лучше басни мы не будем разбирать,
Чтоб с вашими дела их не мешать…

Кот и старая Крыса
Перевод В. Жукова

Какой-то Кот, гроза мышей,
Примерной ревностью своей
И кровожадностью и силой
Прослывший в округе Аттилой,
Задумал истребить в один поход
Не только у себя в холодной клети,
Но весь на свете
Крысиный род.
Умолкли крысы… их головки
Не помышляют о былом…
Что́ им пустые мышеловки
В сравнении с Котом!
А Кот в восторге, в восхищенье!
И, чтоб поболее явить свое уменье,
Он, наконец,
Вниз головой повесился, хитрец!
Не дышит грудь, не слышно храпа,
Совсем мертвец

(А между тем за шнур вцепилась лапа).
Крысиный род решил,
Что Кот, должно быть, нашалил:
Украл жаркое,
Иль что другое –
Ну, словом, пойман был
И, без сомненья,
Повешен был за преступленье!
И вот,
Крысиный род
Пошел к Коту на погребенье.
Шныряют, бегают, скребут
И торжества в восторге ждут…
Но вдруг… о ужас!.. Кот сорвался,
Двух-трех ближайших крыс поймал
И так сказал:
«Вас наказать не так я собирался!
Ведь это что?!! Я знаю план другой!
Ступайте-ка покудова домой!»
Кот не соврал. Осыпавшись мукою,
В квашню забрался он,
крысы все, со всех сторон,

К нему посыпались толпою.
Но Крыса старая (конечно, неспроста:
Была та крыса без хвоста)
Коту на это проворчала:
«Не соблазняюсь я нимало,
Будь ты хоть не котом,
А впрямь мучным мешком!»
Старуха верно рассуждала,
И можно ль лучше рассуждать?
Ведь недоверчивость есть счастья мать
И безопасности начало!

Влюбленный Лев
Перевод В. Жукова

Посвящается девице Севинье

О Севинье, все прелести которой
Служили грациям прекрасным образцом!
Прочтите басню без укора
И не пугайтесь перед Львом!
Он, вопреки бессильному злословью,
Был усмирен всесильною любовью.
Любовь – есть нечто странное во всем,
И счастлив тот, кто с нею незнаком…

Какой-то Лев, из важного сословья,
Пастушку встретил на лугу
И воспылал к ней страстною любовью,
Какой любить я, право, не могу!
Он стал ухаживать за нею,
Отца ее повергнувши в печаль.
А тот искал зятька себе смирнее,
Да ведь ему и дочки было жаль.

Но как откажешь? Ведь опасно!
И знал то он прекрасно
(Кто с этим делом незнаком?),
Что обвенчаться можно и тайком,
Тем паче, дочь его нимало
Любовь слепая не пугала!
Отец промолвил тут:
«Послушай-ка, зятек,
Ведь дочь моя нежна, как фея сказки,
А твой-то ноготок
Совсем устроен не для ласки!
Так вот, коль хочешь зятем быть,
То, не боясь за целость шубы,
Изволь-ка когти обрубить
Да подпилить получше зубы!
Твой поцелуй тогда не будет грубый,
Да и жена
С тобою будет более нежна!..»
Лев согласился… Ослепила
Его коварная любовь,
Но без когтей и без зубов
Исчезла в нем былая сила,

И стая псов
От сватовства безумца отучила…

Любовь, любовь!.. И я скажу в раздумье, –
Когда мы страстью возгорим,
Мы говорим:
Прощай, прощай, благоразумье!

Пастух и Море
Перевод И. Крылова

Пастух в Нептуновом соседстве близко жил:

На взморье, хижины уютной обитатель,

Он стада малого был мирный обладатель

И век спокойно проводил.

Не знал он пышности, зато не знал и горя,

И долго участью своей

Довольней, может быть, он многих был царей.

Но, видя всякий раз, как с Моря

Сокровища несут горами корабли,

Как выгружаются богатые товары

И ломятся от них анбары,

И как хозяева их в пышности цвели,

Пастух на то прельстился;

Распродал стадо, дом, товаров наку-

пил,

Сел на корабль – и за Море пустился.

Однако же поход его не долог был;

Обманчивость, морям природну,

Он скоро испытал: лишь берег вон из глаз,

Как буря поднялась;

Корабль разбит, пошли товары ко дну,

И он насилу спасся сам.

Теперь опять благодаря морям

Пошел он в пастухи, лишь с разницею тою,

Что прежде пас овец своих,

Теперь пасет овец чужих

Из платы. С нуждою, однако ж, хоть большою, –

Чего не сделаешь терпеньем и трудом? –

Не спив того, не съев другого,

Скопил деньжонок он, завелся стадом снова

И стал опять своих овечек пастухом.

Вот некогда, на берегу морском,

При стаде он своем
В день ясный сидя
И видя,
Что на Море едва колышется вода
(Так Море присмирело)
И плавно с пристани бегут по ней суда:
«Мой друг! – сказал. – Опять ты денег захотело,
Но ежели моих – пустое дело!
Ищи кого иного ты провесть,
От нас тебе была уж честь.
Посмотрим, как других заманишь,
А от меня вперед копейки не достанешь».
Баснь эту лишним я почел бы толковать;
Но как здесь к слову не сказать,
Что лучше верного держаться,
Чем за обманчивой надеждою гоняться?
Найдется тысячу несчастных от нее
На одного, кто не был ей обманут,
А мне, что говорить ни станут,

Я буду все твердить свое:

Что впереди – бог весть; а что мое – мое!

Муха и Пчела
Перевод И. Крылова

В саду, весной, при легком ветерке,
На тонком стебельке
Качалась Муха, сидя.
И, на цветке Пчелу увидя,
Спесиво говорит: «Уж как тебе не лень
С утра до вечера трудиться целый день!
На месте бы твоем я в сутки захирела.
Вот, например, мое
Так, право, райское житье!
За мною только лишь и дела:
Летать по балам, по гостям:
И молвить, не хвалясь, мне в городе знакомы
Вельмож и богачей все до́мы.
Когда б ты видела, как я пирую там!
Где только свадьба, именины, –
Из первых я уж верно тут.

И ем с фарфоровых богатых блюд,

И пью из хрусталей блестящих сладки вины,

И прежде всех гостей

Беру, что вздумаю, из лакомых сластей,

Притом же, жалуя пол нежный,

Вкруг молодых красавиц вьюсь

И отдыхать у них сажусь

На щечке розовой иль шейке белоснежной».

«Все это знаю я, – ответствует Пчела. –

Но и о том дошли мне слухи,

Что никому ты не мила,

Что на пирах лишь морщатся от Мухи,

Что даже часто, где покажешься ты в дом,

Тебя гоняют со стыдом».

«Вот, – Муха говорит, – гоняют! Что ж такое?

Коль выгонят в окно, так я влечу в дру-

гое».

Садовод и Помещик
Перевод В. Мазуркевича

Какой-то Садовод-любитель,
Не городской, но сельской житель,
Имел прекрасный огород,
А рядом с ним возделанное поле.
Немало он убил и денег, и хлопот,
Чтоб разрастался сад в спокойствии и холе.
Для этого всю землю он обнес
Живым плетнем из виноградных лоз
И посадил в саду испанские жасмины
(Букет из них Марго дарил он в именины),
Капусту, тмин, щавель… И эту благодать
Вдруг дерзкий заяц начал истреблять.
Решил к Помещику Садовник обратиться.
«Вот, – говорит, – проклятый зверь!
Повадился ходить ко мне теперь;

Ни палок, ни камней, ни сети не боится,

Ну, просто чародей!»

«Какой там чародей? –

Помещик возразил. – Да будь он сатаною,

Не поздоровится шутить ему со мною.

Его я отучу от этих штук, ей-ей!»

«Когда ж?»

«Хоть завтра; медлить нет причины».

И вот является с толпою слуг своих.

«Хозяин!.. Закусить!.. Подай-ка нам дичины...

А это дочь твоя? Есть у нее жених?

Поближе

подойди, красавица... Ну, что же

Ты дочь не выдаешь?.. Негоже, брат, негоже!

Тряхни своей мошной».

Пошучивая так, красотку он ласкает,

Сажает рядышком с собой,

Ей нежно ручку жмет, платочек подымает.

Слегка противится садовникова дочь,

Но, видимо, от барских ласк не прочь.

Отца ж досада разбирает.

Меж тем кутеж идет… На кухне шум и гам.

«Вот окорок!.. Не стар?.. На вид весьма приличен».

«Позвольте поднести его, мой барин, вам».

«Возьму с охотою: к подаркам я привычен…»

Едят все взапуски… Толпа нахальных слуг,

Собаки, лошади – запасы истребляют.

Хозяин сам не свой – берет его испуг.

Тут пьют его вино, там дочь его ласкают.

Но вот окончен пир… А шум еще сильней,

Все суетятся и хлопочут,

Труба гремит, рога грохочут,

Не жалко им ничьих ушей…

Но что за грустная картина?

В плачевном виде огород.

Прощай, щавель! Прощайте, грядки тмина!

Все, что хозяйка в суп кладет!..

Вот заяц найден, – с гиканьем и ревом

Заставили его покинуть дом;

Он под капустным спрятался кочном,

Но спасся в щель, иль попросту в пролом,

Устроенный в плетне садовом

Толпою слуг, чтоб впопыхах

Из сада выехать удобней на конях.

Твердит Садовник: «Что ж, господская забава!»

Но кони, гончие и дерзких слуг орава

Наделали таких непоправимых бед,

Каких не причинить всем зайцам во сто лет.

Вы, мелкие князья, решайте ваши споры,

Не обращаясь к сильным королям.

Зачем их в ваши вмешивать раздоры

И допускать их к вашим городам?

Осел и Собака
Перевод В. Мазуркевича

Зачем насиловать природу:
Себя нельзя переменить,
И неуклюжему уроду
Едва ль возможно ловким быть.
Однако редко тот, кого судьба ласкает,
Врожденный свой талант умело применяет.
Пускай не служит вам образчиком Осел,
Который, ради полученья
Хозяйского расположенья,
К хозяину ласкаться подошел.
Он про себя раздумывал: «Ужели
Собачку ждет и ласка, и хвала
За то лишь, что она с хозяйкою мила?
Меня же, бедного Осла,
Побои только ждут; обидно, в самом деле.

А в сущности, что делает она?

Лишь лапку подает – вот весь талант Собачки.

За что ей сыплются хозяйские подачки.

Работа эта, право, не трудна,

И если только в этом дело,

Его я выполню умело».

Проникнутый намереньем таким,

Осел к хозяину подходит неуклюже,

Копытом стоптанным своим

Его ласкает, и к тому же

Еще ревет, да как! Мелодией такой

Он скрасить, знать, хотел поступок дерзкий свой.

– Ого! вот нежности! Эй, палку мне скорее! –

Хозяин закричал. – Запел ты невпопад! –

Пришлось запеть Ослу совсем на новый лад

И положить конец своей плохой затее.